

Annales de l'Université Impériale de Kharkow.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1903 г.

Книга 4-я.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типо-Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.

(Рыбная улица, домъ № 30-й).

1904.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

На основаніи ст. 41, § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Устава выпустить въ
разрѣшается. Января 13 дня 1904 года.

И. д. Ректора Университета *Брю.*

1903 г.

Книга 4-я

Библиотека Императорскаго Харьковского Университета

Харьковъ

1904

ПОПРАВКА.

Во 2-й кн. „Зап. Унив.“ с. г., въ официальномъ отдѣлѣ, на стран.
испалась погрѣшность: между 3-й и 4-й строками сверху пропущенъ
слова:

„Б.—Неорганическое отдѣленіе“.

На той же страницѣ, строка 18-я сверху, вмѣсто „измѣненіяхъ“,
читать: „измѣреніяхъ“.

На страницѣ 114 (тамъ же), строка 9-я сверху, вмѣсто „переклеи“,
читать: „перекиси“.

На той же страницѣ, строка 21-я сверху, вмѣсто „Анатомическое“,
читать: „Аналитическое“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть Официальная.

Стран.

Г. профессоръ о студенческихъ сочиненіяхъ, представленныхъ для исканія медалей и премій	1
--	---

Часть неофициальная.

Научный отдѣлъ.

въ Византийскую исторію Ш. Диль, переводъ съ французскаго сту- дента Г. Васькова	1
Ch. Diehl. Introduction à l'histoire de Byzance traduit par l'étud. G. Waskow.	
учрежденія. Ш. Диль, переводъ съ франц. студ. Г. Васькова . . .	19
Ch. Diehl. Les institutions byzantines, traduit par l'étud. G. Waskow.	
общество Ш. Диль, переводъ съ франц. студ. Г. Васькова . . .	35
Ch. Diehl. La société byzantine, traduit par l'étud. G. Waskow.	
совѣтъ (βουλή) Гольдина	49
Goldine. La βουλή d'Athènes.	
по русскому праву. Студ. В. Идельсона	81
Etud. W. Idelson. Contract d'assurance dans le droit russe.	
нумизматики въ изученіи русск. исторіи. Прив.-доц. В. Данилевича .	165
Prof.-agrégé W. Danilévitich. Le rôle de la numismatique dans l'étude de l'histoire russe.	
домашней промышленности. Приватъ-доцента А. Анцыферова	199
Prof.-agrégé A. Antziferow. Système de l'industrie domestique (Swea- ting system).	

Лѣтопись Харьковскаго университета.

исторіи Харьковскаго университета. Проф. Д. И. Багалъя	1
Prof. Bagaleï. Essai de l'histoire de l'université de Kharkow.	

Приложеніе.

наблюденій на новой метеорологической обсерваторіи Император- скаго Харьковскаго университета за 1901 г.	63
Résultats des observations faites au nouvel observatoire météorolo- gique de l'université Impériale de Kharkow pendant l'année 1901.	

Объявленія.

ОТЪ ДЕКАНА
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Согласно ст. 500 Т. XI ч. 1 ст. зак. (изд. 1893 года) объявляется конкурсъ на соисканіе каѳедры СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Лица, желающія занять эту каѳедру, приглашаются представить въ Историко-Филологическій Факультетъ, въ трехмѣсячный срокъ со дня объявленія, т. е. не позднее 3-го Апрѣля 1904 года: а) заявленіе о своемъ желаніи, б) свое curriculum vitae, в) списокъ своихъ трудовъ и самые тру

Примѣчаніе. Къ конкурсу допускаются и магистры.

Деканъ В. Бузескуль.

Харьковъ.

Января 3-го дня 1904 года.

ОТЪ ДЕКANA
МЕДИЦИНСКАГО ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1. По распоряженію Его Высочайшепревосходительства
Министра Народнаго Просвѣщенія, каѳедра оперативной
хирургіи съ Топографическою анатоміею и съ упражненіями
въ операціяхъ на трупахъ при Императорскомъ Харьков-
скомъ Университетѣ объявляется вакантною и, согласно
500 Т. XI ч. 1 св. зак. изд. 1893 года, открывается
конкурсъ на соисканіе сей каѳедры.

2. Желаящіе занять каѳедру Оперативной хирургіи съ
Топографической анатоміею и съ упражненіями въ опера-
ціяхъ на трупахъ въ Харьковскомъ Университетѣ должны
представить въ трехмѣсячный срокъ со дня сего объявле-
нія слѣдовательно не позднее 18 Января 1904 года: а) за-
явленіе о желаніи занять каѳедру; б) свои ученые труды и
curriculum vitae.

Харьковъ.

Октября 18 дня 1903 года.

ОТЪ ДЕКANA
МЕДИЦИНСКАГО ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1. По распоряженію Его Высокопревосходительства
Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, каѳедра Терапевти-
ческой госпитальной клиники при Императорскомъ Харь-
ковскомъ Университетѣ объявляется вакантною и, согласно
ст. 500 Т. XI ч. 1. св. зак. изд. 1893 года, открывается
конкурсъ на соисканіе сей каѳедры.

2. Желаящіе занять каѳедру Терапевтической госпи-
тальной клиники въ Харьковскомъ Университетѣ должны
представить въ трехмѣсячный срокъ со дня сего объявле-
нія, слѣдовательно не позднѣе 18 Января 1904 года: а) за-
явленіе о желаніи занять каѳедру; б) свои ученые труды и
с) curriculum vitae.

Харьковъ.

Сентября 18 дня 1903 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Отзывъ о сочиненіи подъ девизомъ „Finis coronat opus“ на тему „Сочиненія Даля со стороны содержанія и языка“.

Обширный трактатъ (460 стр.) на тему „Сочиненія Даля со стороны содержанія и языка“ подъ девизомъ Finis coronat opus распадается на семь отдѣловъ или частей. Въ началѣ авторъ даетъ очень полный перечень источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался. Во „введеніи“ излагаются существующіе въ критической литературѣ взгляды на литературную дѣятельность Даля.

Литературныя произведенія Даля авторъ группируетъ въ два отдѣла, которые и подробно разсматриваетъ во 2-й и 3-й главахъ своей работы.

Къ первому отдѣлу онъ относитъ повѣсти, очерки и рассказы Даля. Оцѣниваетъ эти произведенія авторъ не съ художественной точки зрѣнія, а со стороны отраженія въ нихъ быта и нравовъ разныхъ классовъ русскаго общества: военныхъ, чиновниковъ, помѣщиковъ, купцовъ, крестьянъ, инородцевъ. Попутно касается и взгляда Семевского на крѣпостничество Даля, находя его пристрастнымъ и неимѣющимъ достаточныхъ основаній.

Разбирая сказки и притчи Даля, авторъ сличаетъ эти произведенія съ народными сказками въ изданіяхъ Афанасьева и друг. и такимъ образомъ на точныхъ фактахъ строить свои заключенія объ отношеніи этихъ произведеній Даля къ подлиннымъ продуктамъ народнаго творчества. Эту часть можно было бы изложить короче.

Въ IV главѣ авторъ говоритъ о языкѣ и слогѣ произведеній Даля. И здѣсь авторъ вполне овладѣлъ подлежащимъ его наблюденію матеріаломъ и изложилъ свои наблюденія въ рядѣ обобщеній, подкрѣпленныхъ большимъ количествомъ примѣровъ. Нѣсколько неточностей въ сужденіяхъ, встрѣченныхъ въ этой главѣ, произошли отъ недостатка сравнительныхъ приѣмовъ въ сужденіяхъ автора о языкѣ.

V глава, трактующая о „Толковомъ словарѣ“ Даля и изданныхъ имъ пословицъ, повѣрій и проч. могла бы быть опущена вовсе, такъ какъ въ ней авторъ даетъ перечень высказанныхъ въ научной литературѣ мнѣ-

ній объ этихъ трудахъ Даля, при чемъ мнѣнія ученыхъ приводятся и въ *in extenso*, а не въ самостоятельномъ хотя бы пересказѣ.

Вполнѣ кстаті заключение, въ которомъ авторъ говоритъ о необходимости извлечь изъ полузабвенія повѣсти и рассказы Даля, особенно его „Досуги“, и воспользоваться послѣдними какъ очень полезнымъ и благодарнымъ матеріаломъ для народнаго чтенія.

И по полнотѣ содержанія, и по ровному, объективному изложенію и по хорошему литературному языку разбираемое сочиненіе отличается несомнѣнными крупными достоинствами и вполнѣ заслуживаетъ награжденія золотою медалью.

Проф. М. Халанскій.

Отзывъ о сочиненіи на тему „Произведенія Даля со стороны содержанія и языка“ подѣ девизомъ: „Изученіе этнографіи—путь къ опредѣленію народности“ (Пыпинъ).

Сочиненіе на тему „Произведенія Даля со стороны содержанія и языка“ подѣ девизомъ: „Изученіе этнографіи—путь къ опредѣленію народности“ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой разсматриваются беллетристическія произведенія Даля со стороны содержанія, во второй—со стороны языка. Предваряется изложеніе библиографіей недостаточно подробной. Въ первой части своей обширной работы авторъ сначала говоритъ о мѣстѣ, занимаемомъ Далемъ среди другихъ русскихъ писателей-этнографовъ первой половины XIX в. Сдѣлавъ общія указанія на романтизмъ и „официальную народность“, которой, по его словамъ, служилъ Даль, авторъ оставилъ не выясненными эти термины и потому вступленіе вышло у него полнымъ общихъ мѣстъ. За вступленіемъ слѣдуетъ обзоръ литературной дѣятельности Даля. Почти не касаясь библиографическихъ данныхъ, авторъ разсматриваетъ литературную дѣятельность Даля въ хронологической послѣдовательности, начиная отъ изданія имъ перваго сборника сказокъ въ 1832 году и кончая „Картинами изъ русскаго быта“, изданными въ 1867—68 гг. Примѣняя художественный критерій къ оцѣнкѣ произведеній Даля, авторъ находитъ ихъ цѣннымъ главнымъ образомъ по изображенію внѣшней стороны жизни. Въ своихъ сужденіяхъ авторъ нерѣдко повторяется; приговоры его носятъ характеръ произвольныхъ сужденій, такъ какъ не сопровождаются анализомъ самыхъ произведеній Даля.

Покончивъ съ разборомъ произведеній Даля въ художественномъ отношеніи, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію заключающагося въ нихъ этнографическаго матеріала (съ 47 стр.) и данныхъ для быта какъ русскаго народа, такъ и инородцевъ, обитающихъ внутри Россіи и на окра-

ея. Эта часть богата содержаніемъ, старательно подобраннымъ и расположеннымъ. Между прочимъ авторъ касается и вопроса объ крѣпостного права въ Россіи. Здѣсь спокойный тонъ его изложенія мѣняется; авторъ собираетъ обвиненія—старательно и даже съ страстіемъ—противъ Даля въ томъ, что онъ не примкнулъ къ писателямъ-поборникамъ отмены крѣпостного права въ Россіи. Стараніе обличить Даля въ крѣпостничество помѣшало автору выставить въ болѣе эффектномъ видѣ мастерскія описанія быта крѣпостныхъ людей, сдѣланныхъ Далемъ и отмѣченныя нашимъ авторомъ, но не оцѣненныя имъ въ должной мѣрѣ.

Важный вопросъ о степени вѣрности изображенія Далемъ русской реформенной дѣйствительности остался у автора не разработаннымъ, и приговоры его о правдивости или исключительности и маловѣроятности какого-либо эпизода въ извѣстномъ разсказѣ Даля всегда висятъ въ волосѣхъ.

Вторая часть работы посвящена разсмотрѣнію произведеній Даля со стороны языка и стиля. Послѣ общихъ замѣчаній о стилѣ Даля авторъ рассматриваетъ этимологическіе факты его языка, синтаксическія и стилистическія особенности. Въ отдѣлѣ лексикологіи и фразеологіи авторъ даетъ перечни словъ, употребляемыхъ Далемъ, разбивая ихъ на отдѣльныя рубрики (слова, употребляемыя въ современномъ литературномъ языкѣ въ иномъ значеніи, въ измѣненномъ видѣ, сложные слова, архаизмы, провинціализмы, иностранныя слова), фразъ и эпитетовъ, употребляемыхъ Далемъ. Весь этотъ матеріалъ подобранъ очень старательно и съ большою любовью къ дѣлу. Кое-гдѣ нужно здѣсь исправить терминологию; кое-гдѣ нужно расположить иначе матеріалъ; есть неточности и ошибки въ подробностяхъ; особенно чувствуется недостатокъ въ сравненіяхъ съ данными исторіи русскаго языка и русской діалектологіи; но въ общемъ авторъ для вопроса о языкѣ Даля сдѣлалъ много и представилъ эту сторону своей темы съ достаточной ясностью и основательностью.

Заключая свой обзоръ даннаго сочиненія, я могу сказать, что авторъ отнесся къ своей задачѣ съ любовью, вложивъ въ разработку темы много труда и знанія; вопросъ онъ изслѣдовалъ внимательно и съ разныхъ сторонъ. Указанные недостатки работы искупаются другими достоинствами содержанія ея. Къ несомнѣннымъ достоинствамъ сочиненія относится хорошій языкъ, которымъ оно изложено.

Въ виду всего сказаннаго я нахожу сочиненіе подъ девизомъ „Изученіе этнографіи — путь къ опредѣленію народности“ заслуживающимъ награжденія золотою медалью.

Проф. М. Халанскій.

Отзывъ о сочиненіи: „Загоскинъ и Лажечниковъ“.

Въ началѣ своего изслѣдованія о Загоскинѣ и Лажечниковѣ авторъ представляетъ указатель прочитанныхъ имъ книгъ, а изъ текста видно, что авторъ дѣйствительно многое перечиталъ и многимъ воспользовался въ указанной имъ литературѣ. Сочиненіе распадается на двѣ части, почти одинаковой величины. Въ первой части (стр. 1—175) рѣчь идетъ о Загоскинѣ, во второй (177—344)—о Лажечниковѣ. Въ началѣ изслѣдованія о Загоскинѣ приведены біографическія о немъ свѣдѣнія, достаточно полныя, затѣмъ слѣдуетъ обзоръ комедій съ соответствующими оцѣнками и обзоръ историческихъ романовъ, преимущественно Юрія Милославскаго, причемъ подобраны главные о немъ отзывы современныя критики. Авторъ сближаетъ и сопоставляетъ разныя мнѣнія и высказываетъ свое собственное, съ достаточной мотивировкой. Разсмотрѣвъ историческихъ и бытовыхъ романовъ и повѣстей Загоскина предпославъ краткія замѣчанія о вліяніи Вальтеръ-Скота и объ историческомъ положеніи бытовыхъ романовъ Булгарина. Въ то время, какъ Загоскинъ является въ Россіи піонеромъ въ дѣлѣ утвержденія историческаго романа въ приложеніи къ роману бытовому онъ является ужъ послѣдователемъ или продолжателемъ. Авторъ вкратцѣ останавливается въ концѣ изслѣдованія на языкѣ Загоскина, указываетъ его достоинства и недостатки, между прочимъ, вопроса о педагогическомъ значеніи Загоскина и кончаетъ свое изслѣдованіе общей оцѣнкой этого писателя. Въ концѣ автору можно поставить недостаточную разработку тѣхъ страницъ, гдѣ говорится о языкѣ и педагогическомъ значеніи Загоскина; но эти недостатки отступаютъ на второй планъ передъ крупными достоинствами—стройностью и выдержанностью общаго плана, содержательностью, простымъ и яснымъ изложеніемъ.

Изслѣдованіе о Лажечниковѣ построено по тому же плану, что и сочиненіе о Загоскинѣ, причемъ авторъ находился подъ вліяніемъ другаго изслѣдованія о Лажечниковѣ г. Венгерова и часто цитируетъ этого источникъ. Послѣ обзора біографіи писателя, авторъ довольно подробно говоритъ о трехъ главныхъ произведеніяхъ Лажечникова—„Послѣдній Новикъ“, „Ледяной Домъ“ и „Басурманъ“. Въ одномъ мѣстѣ вводитъ экскурсъ о вліяніи Вальтеръ-Скотта, отчасти повторяющій уже то, что говорилъ авторъ въ первой части своего изслѣдованія по вопросу о вліяніи Вальтеръ-Скотта на Загоскина. Недостатокъ работы—полное отсутствіе оцѣнки языка писателя. Авторъ замѣчаетъ только, что слогъ Лажечникова тяжелый, не выясняя, въ чемъ же выразился этотъ недостатокъ. Затѣмъ авторъ ни единымъ словомъ не обмолвился о педагогическомъ значеніи Лажечникова.

своём значеніи Лажечникова, не остановился на вопросѣ, можетъ ли быть рекомендованъ этотъ писатель для средней школы. Оставляя въ сторонѣ эти недочеты, можно сказать, что авторъ не мало поработалъ, многое перечиталъ, стремился разобратъся въ матеріалѣ, мѣстами внесъ свои объясненія.

Принимая во вниманіе эти достоинства разсмотрѣннаго сочиненія, я считаю возможнымъ предоставить автору высшую награду — золотую медаль.

Проф. Н. Сумцовъ.

Въ физико-математическій факультетъ. Отзывъ о работѣ неизвѣстнаго автора подѣ девизомъ „Non fingendum“ проф. В. Рейнгарда.

Предлагая темой для соисканія награды — описаніе Turbellaria прѣстностей Харькова, я имѣлъ честь указать факультету на то, что тема эта принадлежитъ къ болѣе труднымъ изъ обычныхъ темъ, предлагаемыхъ для подобной цѣли. Трудность изслѣдованія указанныхъ животныхъ зависитъ уже отъ того, что ткани ихъ чрезвычайно нѣжны, большинство формъ незначительной величины, изслѣдованіе ихъ возможно только при помощи микроскопа и требуетъ уже извѣстнаго навыка. Различіе видовъ основано не только на внѣшнихъ признакахъ, но, главнымъ образомъ, на строеніи и относительномъ положеніи органовъ. Въ животныя они выживаютъ недолго, въ особенности при полномъ отсутствіи такихъ бы то ни было приспособленій, что составляетъ отличительную особенность нашей лабораторіи. Поэтому съ изслѣдованіемъ найденныхъ формъ приходится спѣшить, такъ какъ нельзя быть увѣреннымъ, что въ извѣстный моментъ онѣ не погибнутъ внезапно. Большинство ихъ встрѣчается весной и нѣкоторыя даже ранней весной, что также затрудняетъ изученіе. Формы встрѣчающіяся у насъ — исключительно водныя.

Приступая къ изслѣдованію Turbellaria, авторъ тщательно собралъ и изучилъ относящуюся къ вопросу литературу, не ограничиваясь изученіемъ работъ систематическихъ, но знакомясь также съ работами анатомическими, эмбриологическими и даже съ работами, относящимися къ вопросу о регенерации. Между работами систематическими ему пришлось ознакомиться, между прочимъ, съ такой капитальной работой, какъ классическая монографія Graffa. Тщательно собрана и изучена русская литература относительно Turbellaria. Въ общемъ авторъ цитируетъ 112 работъ.

Въ трудѣ автора мы находимъ краткій историческій очеркъ изслѣдованій, обзоръ литературы, указаны методы изслѣдованія и способы собиранія матеріала. Описаніямъ отдѣльныхъ группъ предшествуетъ общая характеристика. Для облегченія опредѣленія родовъ и видовъ прилагаются

особыя таблицы. Помимо особенностей строенія, указываются нѣкоторые біологическія данныя — время кладки яицъ, мѣсто, время и условія хожденія (между прочимъ температура воды, свойство дна), пища. Нужно замѣтить, что прѣсноводныя Turbellaria изучены у насъ мало. Наиболѣе подробно онѣ изслѣдованы въ окрестностяхъ Юрьева, гдѣ проф. Броунъ описалъ 44 вида, въ окрестностяхъ Казани найдено 25 вид., въ окрестностяхъ Варшавы 13 и въ окрестностяхъ Москвы въ общемъ, разными авторами, описано 34 вида. Изъ приведеннаго перечня видно, что указанныя животныя изучены въ Россіи только въ нѣсколькихъ пунктахъ. Весь югъ остался совершенно не изслѣдованнымъ, если не считать разбросанныхъ указаній относительно отдѣльныхъ видовъ. Это обстоятельство я имѣлъ конечно въ виду, предлагая настоящую тему.

Неизвѣстный авторъ описалъ 28 видовъ, изъ которыхъ 2 новыя, 1 представляется новымъ для Россіи. Такимъ образомъ трудъ его несомнѣнно имѣетъ извѣстное научное значеніе и пополняетъ тотъ пробѣлъ, который существовалъ въ нашей литературѣ относительно прѣсноводныхъ турбелларій южной Россіи. Къ работѣ приложено 8 таблицъ рисунковъ, 2 фотографіи и 32 препарата—серія разрѣзовъ Planaria rhomboides и lactea, которыми, однако, авторъ еще не успѣлъ воспользоваться. На основаніи указанныхъ положительныхъ сторонъ работы, я настоятельно возможнымъ ходатайствовать передъ факультетомъ о награжденіи автора золотой медалью. Работу я считаю достойной быть допущенной къ печати и имѣю въ виду представить ее для напечатанія въ Труды Общества Исп. Пр. при Харьковскомъ университетѣ.

Проф. В. Рейнгардъ.

Отзывъ о сочиненіи подъ девизомъ „Знаніе—сила“ на тему: „Представленіе историко-критическое изложеніе ученія о растворахъ въ его современномъ состояніи, сопроводивъ оное опытнымъ изслѣдованіемъ какого-либо случая“

Большая работа автора, обнимающая около 40 листовъ (154 стр.), дѣлится на двѣ части: теоретическую (1—108 стр.), гдѣ авторъ въ рядѣ послѣдовательныхъ восьми главъ излагаетъ современное ученіе о растворахъ, и экспериментальную, въ которой на протяженіи 46 стр. приводятся данныя опытовъ, произведенныхъ имъ самимъ. Въ такомъ порядкѣ я и рассмотрю этотъ трудъ.

Начавъ съ вопроса: „что такое растворъ?“, авторъ излагаетъ ученіе объ осмотическомъ давленіи, какъ оно вытекало изъ опытовъ Пфеффера и Рауля и трудовъ Вантъ-Гоффа. Рядомъ съ этимъ имъ приводятся взгляды Лотара Мейера и попытка Рейхлера придать извѣстную

тотъ видѣ, какой былъ данъ знаменитымъ Вантъ-Гоффомъ. Именамъ Vries'a, Raoult, Ostwald'a, Nernst'a и друг. здѣсь отведено подобающее мѣсто. Съ достаточною подробностью изложены классическіе труды Вантъ-Гоффа и его термодинамическій выводъ извѣстнаго уравненія— $= 0,02 \frac{T^2}{W}$; тутъ (въ концѣ IV главы) выступаетъ на сцену и i Вантъ-Гоффа.

Въ главахъ V и VI авторъ излагаетъ теорію Арреніуса, излагаетъ (глава V) кратко и ясно, кое-гдѣ подкрѣпляя свое изложеніе цитированіемъ самого Арреніуса. Имена Гитторфа, Клаузіуса, Гельмгольца—забыты авторомъ, равно какъ не позабылъ онъ остановиться довольно подробно на возраженіяхъ противъ теоріи Арреніуса, представленныхъ въ свое время Wiedemann'омъ, Traube, Д. И. Менделѣевымъ, П. Д. Хрущевымъ, Рейхлеромъ. Тонъ изложенія объективный, строго фактический. Глава же VI посвящена изложенію приложений теоріи Арреніуса главнымъ образомъ съ точки зрѣнія школы Оствальда. Авторъ здѣсь крайне изумленъ, что, по моему мнѣнію, можетъ служить ему въ похвалу: безсмысленно отдаться этой части теоріи Арреніуса-Оствальда такъ же, какъ возстать противъ нея, было бы для начинающаго ученаго весьма рискованно.

Главы VII (о молекулярномъ объемѣ растворенныхъ тѣлъ) и VIII (методы опредѣленія молекулярнаго вѣса) изложены толково.

Въ разсматриваемой теоретической части труда подъ девизомъ „Сила — сила“ центръ тяжести сосредоточенъ на изложеніи теоріи Вантъ-Гоффа съ тѣми дополненіями и толкованіями, которыя были даны Арреніусомъ, Оствальдомъ и др. Изложеніе это я нахожу яснымъ, послѣдовательнымъ и достаточно подробнымъ. Правда, авторомъ пропущены некоторыя имена (напр. Д. Коновалова, Кистяковского и др.); но я не могу ставить это въ крупный упрекъ, такъ какъ все основное было имъ приведено, да кромѣ того при большой работѣ всегда возможны кое-какія упущенія, и если они не вредятъ дѣлу, то нельзя за это строго судить.

Въ опытной части очень хорошее впечатлѣніе производитъ настоятельность работы. Занявшись изученіемъ распредѣленія щавелевой кислоты между водою и эфиромъ (вопросъ, уже изучавшійся Бертло и Юнг-Шеймъ), авторъ прежде всего достигъ извѣстной точности работы, а затѣмъ уже поставилъ вопросъ о вліяніи нейтральныхъ солей на коэффициентъ распредѣленія. Важность такого рода опредѣленій вытекаетъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: если распредѣленіе не сопровождается

химическою реакціею, тогда постоянство или измѣнчивость коэффициента распределенія указываютъ на простоту или сложность растворенной лекулы; если же имѣются основанія подозрѣвать наличность химическаго дѣйствія, тогда характеръ измѣненія коэффициента можетъ дать поводъ о такъ наз. порядкѣ реакціи. Таковы слѣдствія теоріи растворовъ, ясно, что всякая лишняя провѣрка является желательною.

Авторъ разбираемаго труда указаннымъ методомъ могъ констатировать нарушеніе постоянства коэффициента отъ присутствія нейтральныхъ солей (хлористаго аммонія и щавелевокислаго аммонія).

Чтобы выяснитъ характеръ вліянія, онъ обратился къ другому методу—кріоскопическому. Здѣсь получились указанія, что вліянія двухъ солей существенно различны: только при нашатырѣ была аддитивность.

Тогда авторъ обратился къ еще болѣе чувствительному методу—электропроводностей, который и далъ положительный отвѣтъ: прибавленіе щавелевокислаго аммонія совершенно нарушаетъ начальную однородность системы, обуславливая распределеніе, что въ случаѣ нашатыря не имѣла бы мѣста.

Химическая натура щавелевой кислоты позволяла подозрѣвать, теперь имѣется опытное доказательство.

Въ виду всего вышесказаннаго я признаю трудъ подъ девизомъ „Знаніе — сила“ вполне отвѣтившимъ на предложенную тему и справедливымъ ходатайствовать о награжденіи автора золотою медалью.

Проф. И. Осиповъ.

Отзывъ о сочиненіи подъ девизомъ: „Одинъ фактъ дороже ста соблазнительныхъ гипотезъ“ (Пристлей) на тему: „Представить историческое изложеніе ученія о растворахъ въ его современномъ состояніи“ сопровождается оное опытнымъ изслѣдованіемъ какого-либо опредѣленнаго случая“.

Обширный трудъ автора (300 стр., т. е. 75 листовъ) на протяжении 267 стр. посвященъ изложенію и разбору современной теоріи растворовъ, послѣднія же (33 стр.) заняты описаніемъ опытовъ автора и ихъ результатовъ.

Раньше чѣмъ приступить къ изложенію самой теоріи авторъ въ „Очеркѣ кинетической теоріи растворовъ“ кратко, но ясно излагаетъ сущность взглядовъ Бергмана, Бертолле, Берцелиуса, Берглю и Д. И. Менделѣева.

Уже съ 1 главы (Основные законы осмотическихъ явленій) обнаруживается не только большая начитанность, но и знакомство съ те-

динамикою, а слѣд. и съ началами высшей математики. Языкъ ясный, обработанный; изложеніе обстоятельно и детально; математическая форма и математическій расчетъ не сходятъ со страницъ сочиненія. Чтобы иллюстрировать послѣднее, приведу одно изъ множества мѣстъ, гдѣ идетъ объ „идеальныхъ“ растворахъ):

„Тогда: $dA = A \frac{dT}{T},$

интегрируя: $A = T \cdot \text{Const},$

такъ какъ A есть осмотическая работа, т. е. величина пропорціональная осмотическому давленію (зак. Бойль-Мариотта)—

$$A = PV,$$

$$P = xT,$$

т. е. получается законъ Ге-Люссака, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое и достаточное условіе, при которомъ онъ имѣетъ мѣсто для растворовъ:

$$H = 0.$$

Это—языкъ физика, свободно владѣющаго математическими выкладками; языкъ этотъ дѣлаетъ большую честь автору, несомнѣнно не только серьезно изучившему предметъ, но и глубоко въ него вдумавшемуся.

Какъ я уже сказалъ, изложеніе теоріи растворовъ не только обстоятельно, но и детально. Изложивъ въ I главѣ основные законы осмотическихъ явленій, авторъ посвящаетъ II главу вопросу о пониженіи упругости пара растворовъ и связаннымъ съ нимъ явленіямъ. Теорія захватываетъ автора; ее онъ ставитъ на первое мѣсто; опытъ какъ будто призванъ подтверждать теорію, а не руководить ею. Не такъ на самомъ дѣлѣ, исторически, сложилось ученіе о растворахъ: труды Рауля и Пфелфера натолкнули Вантъ-Гоффа на путь размышленій; они, эти труды, дали тотъ конецъ нити, который далъ возможность до известной степени распутать волшебный клубокъ. Я не могу согласиться съ точкою зрѣнія автора, очень, впрочемъ, распространенною среди нѣмецкихъ химиковъ, которая отводитъ опыту такое служебное положеніе. Чтобы не быть голословнымъ, привожу, напр., слѣдующее мѣсто (стр. 89):

„Для водныхъ растворовъ молекулярная депрессія будетъ:

$$\Delta = 0.02 \frac{(273)^2}{80} = 18.6^\circ$$

при расчетѣ на 100 граммъ растворителя; для нормального же раствора (1 гр.-мол. въ литрѣ) депрессія—

$$\Delta = 1.86^{\circ},$$

число, согласное съ опредѣленіями Рауля.

Вотъ примѣры опытной провѣрки отношенія (13а) и т. д.².

Глава III содержитъ изложеніе теоріи Аррениуса (107—168 стр.) а глава IV, занимающая 52 стр. (169—220 стр.), посвящена объясненію химическихъ и физическихъ явленій съ точки зрѣнія этой теоріи. Въ 114 стр. теоріи Аррениуса. Уже это одно можетъ навести на мысль о авторѣ—сторонникѣ этой теоріи. Это даже подтверждается до известной степени, какъ самымъ изложеніемъ, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ разсмотрѣнію возраженій противъ этой теоріи отведено значительное мѣсто (глава V—221—266 стр.). Собственно говоря, серьезнымъ критикомъ теоріи Вантъ-Гоффа не было и нѣтъ; но есть и бывшіе критики теоріи Аррениуса. Ихъ возраженіямъ отведено 18 стр.—только! Къ большому удовольствію безпристрастнаго читателя, однако, признать, что авторомъ разсматриваемаго труда возраженія собраны старательно. Жаль, впрочемъ, что авторъ не указалъ еще одно затрудненіе, въ какое попадаютъ послѣдователи іонной теоріи: въ послѣднее время все назойливѣе себя заявляющее,—это—необходимость принимать іоны сложные и притомъ разной степени сложности. Въ этомъ отношеніи прекрасныя работы Вальдена, а равно нѣкоторыхъ другихъ сторонниковъ іонной теоріи могли бы дать хорошій матеріалъ.

Въ опытной части мы встрѣчаемъ очень интересное изученіе осмотическихъ коэффициентовъ по методу de Vries'a, причемъ единицей осмотическаго давленія былъ взятъ іодистый калий, что должно признать весьма удачнымъ.

Второю работою по теоріи растворовъ было изученіе молекулярнаго вѣса съры эбуліоскопическимъ методомъ. Оказалось, что въ хлороформномъ растворѣ частица 6-ти-атомна (наблюденія раньше нигдѣ не были сдѣланы), тогда какъ въ сѣроуглеродѣ, какъ и у другихъ растворителей, таже частица состоитъ изъ восьми атомовъ.

Наконецъ, третій рядъ опытовъ относится къ провѣркѣ закона Нернста, выводимаго изъ теоріи осмотическаго давленія. Roloff проводилъ, по предложенію Нернста, подобныя опредѣленія и показалъ возможность формулы Нернста къ нѣкоторымъ случаямъ. Авторъ разсматриваемаго труда подтвердилъ тоже самое для растворовъ борной и бензойной кислотъ въ смѣсяхъ уксусной кислоты съ одной стороны съ водой, а другой—съ бензоломъ.

Хотя не разъ мнѣ приходилось давать отзывы о сочиненіяхъ подобнаго рода, но лишь во второй разъ я въ этомъ трудѣ встрѣчаю такую постоянность разработки ¹⁾. Въ виду этого я считаю справедливымъ настаивать не только о награжденіи автора *золотою медалью*, но въ литературныхъ достоинствъ труда—также о напечатаніи его на счетъ университета.

Проф. И. Осиповъ.

Орд. проф. Л. О. Струве о сочиненіи „О двойныхъ звѣздахъ“ подъ девизомъ „Feci, quod potui, faciant meliora potentes“.

Исполняя порученіе факультета, имѣю честь представить слѣдующій отзывъ о сочиненіи неизвѣстнаго автора „О двойныхъ звѣздахъ“ подъ девизомъ „Feci, quod potui, faciant meliora potentes“.

Послѣ краткаго историческаго обзора авторъ означеннаго сочиненія ставитъ рѣшенію задачи Бертрана: „зная, что матеріальная точка подѣляемъ центральной силы всегда описываетъ коническое сѣченіе, найти выраженіе для этой силы“, и переходитъ затѣмъ къ изложенію различныхъ способовъ опредѣленія орбитъ, причемъ особенно подробно рассматриваетъ способъ Гершеля съ его видоизмѣненіями (способы Коппера, Глазенапа и Цвирса) и формулы для исправленія вычисленій по какому нибудь изъ нихъ элементовъ посредствомъ способа наименьшихъ квадратовъ. Затѣмъ авторъ вкратцѣ рассматриваетъ способъ опредѣленія массъ двойныхъ звѣздъ и недавно появившуюся замѣтку относительно ошибки въ опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ, происходящей отъ того, что, при опредѣленіи орбиты, предполагается ортогональной проеціей истинной на плоскость перпендикулярную къ небесной сферѣ, между тѣмъ какъ она въ дѣйствительности есть коническая проеція, т. е. пренебрегается угломъ, подъ которымъ орбита видима съ земли, и переходитъ къ изложенію опредѣленія двойныхъ звѣздъ по спектроскопическимъ наблюденіямъ радіальной скорости, послѣ чего онъ рассматриваетъ такъ называемыя фотометрическія двойныя звѣзды, т. е. тѣ изъ переменныхъ звѣздъ, измѣненіе блеска которыхъ объясняется предположеніемъ, что онѣ затмѣваются темными спутниками, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности Альголя, подтверждается спектроскопическими наблюденіями. Въ концѣ своего сочиненія авторъ приводитъ вычисленную имъ самимъ орбиту двойной звѣзды Cassiopejae посредствомъ опредѣленія, по способу наименьшихъ квадратовъ, поправокъ къ вычисленнымъ See элементамъ.

¹⁾ Первый подобнаго характера трудъ представило сочиненіе студ. Вихерскаго *Effuziën*.

Изъ этого краткаго перечисленія главъ представленнаго сочиненія видно, насколько авторъ трудился для составленія возможно полнаго зора всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ заданной темой. При своемъ сочиненіи авторъ пользовался, главнымъ образомъ, обширными сочиненіями André „Traité d'astronomie stellaire“, See „The evolution of the stellar systems“ vol. I и статьями Г. В. Левицкаго „Объ опредѣленіи орбитъ двойныхъ звѣздъ“, В. Виноградскаго „Объ опредѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ“ и С. П. Глазенапа „Orbites des étoiles doubles du catalogue de Poulcova“, а для опредѣленія орбиты η Cassiopejae пришлось отыскивать наблюденія въ разныхъ журналахъ и отдѣльных изданіяхъ обсерваторій. Къ сожалѣнію изложеніе во многихъ мѣстахъ неясное, а иногда встрѣчаются неточности и даже ошибки. Такъ, при изложеніи рѣшеній задачи Бертрана не указано на связь этой задачи съ теоріей двойныхъ звѣздъ и приведенныя рѣшенія не сравнены между собою. Изложеніе способовъ Савари и Энке для опредѣленія орбитъ достаточно ясно. При изложеніи способа Савари авторъ, между прочимъ, говоритъ: „помощью четырехъ полныхъ наблюденій опредѣляются координаты наблюдаемыхъ положеній, координаты центра эллипса и координаты неподвижной звѣзды“, что совершенно непонятно. О способѣ опредѣленія орбитъ по меридіаннымъ наблюденіямъ неравномѣрнаго собственнаго движенія главной звѣзды авторъ не упоминаетъ вовсе, хотя приводитъ результаты такихъ изслѣдованій относительно звѣздъ α Cephei и η Cassiopejae. Чтеніе сочиненія нѣсколько затрудняется тѣмъ, что часто не объясняютъ значеній своихъ обозначеній, которыя онъ, въ то же время, иногда мѣняетъ. Въ приведенной на XVII листѣ формулѣ

$$v = \frac{r^2}{a(1 - e^2)} \left[e \cos \lambda + \cos(v + \lambda) \right] \frac{dv}{dt}$$

одной и той же буквой v въ двухъ сторонахъ уравненія обозначены совершенно различныя величины: на лѣвой v обозначаетъ радіальную скорость, на правой же истинную аномалію спутника. На той же страницѣ величина $s = r \sin u$ не выражаетъ, какъ говоритъ авторъ, разстояніе точки M отъ фокуса, а длину перпендикуляра изъ этой точки на директрису.

Указанныя и нѣкоторыя другія ошибки въ представленномъ сочиненіи являются, вѣроятно, слѣдствіемъ спѣшности, съ которой пришлось составлять свое сочиненіе на такую обширную тему въ теченіе одного года, тѣмъ болѣе, что вычисленіе орбиты звѣзды η Cassiopejae должно было отнять у него значительную часть предоставленнаго времени. Нѣкоторые отдѣлы сочиненія на

недурно, какъ въ особенности изложеніе способовъ Гершеля и Глазенапа опредѣленія орбитъ и способовъ опредѣленія орбитъ по спектроскопическимъ наблюденіямъ радіальной скорости. Особенно же произведенное авторомъ вычисленіе орбиты двойной звѣзды η Корсака, которое, надѣюсь, послѣ нѣкоторыхъ редакціонныхъ измѣненій въ скоромъ времени будетъ напечатано въ одномъ изъ астрономическихъ журналовъ.

Въ виду всего сказаннаго я считалъ бы справедливымъ присужденіе автору сочиненія „О двойныхъ звѣздахъ“ подѣ девизомъ „Feci, quod potui, faciant meliora potentes“ преміи имени Павловскаго, для соисканія которой она написана, о чемъ имѣю честь представить факультету.

Проф. Л. Струве.

Въ физико-математическій факультетъ Императорскаго Харьковского университета.

Представленное на соисканіе преміи имени заслуженнаго профессора В. М. Черныева сочиненіе „Матеріалы для флоры сѣверо-западной Волчанскаго уѣзда“, съ девизомъ: „отъ болѣе близкаго общенія съ природой зависитъ прогрессъ науки....“, представляетъ гео-ботаническое изслѣдованіе мѣстности, занимающей пространство около 600 кв. верстъ, приблизительно $\frac{1}{6}$ часть уѣзда. Граница этого пространства простирается: съ сѣвера—вдоль границъ Бѣлгородскаго уѣзда отъ пересѣченія С. Донца Волчанской желѣзной дорогой почти до 7^0 в. д. отъ Пулави съ востока—по 7^0 меридіану отъ границы Бѣлгородскаго уѣзда до Большого Бурлука, съ юга—по линіи, проведенной отъ Б. Бурлука до Хотомли и съ запада—по С. Донцу отъ Хотомли до линіи желѣзной дороги.

Авторъ даетъ довольно обстоятельное оро-гидрографическое описание изслѣдуемой мѣстности; указываетъ распредѣленіе въ этой мѣстности болотъ и лѣсовъ; представляетъ почвенно-геологическій очеркъ изучаемаго участка и приводитъ важнѣйшіе метеорологическіе элементы главнымъ образомъ по даннымъ университетской метеорологической станціи.

Познакомивъ читателя съ характеромъ изучаемой части Волчанскаго уѣзда, авторъ перечисляетъ затѣмъ растительныя формации, которыя онъ находитъ возможнымъ различать здѣсь; указываетъ наиболѣе характерныя растенія для каждой формации и, наконецъ, даетъ систематическій списокъ собранныхъ имъ въ этой мѣстности растеній, заключающій 504 вида. Къ сочиненію приложены 3 карты: 1) карта Волчанскаго

уѣзда, съ обозначеніемъ границъ изслѣдованной мѣстности, 2) карта рѣкъ, озеръ, болотъ и лѣсовъ и 3) почвенная карта этой части Волгскаго уѣзда.

Употребивъ на свои изслѣдованія только одно лѣто, авторъ не указываетъ для данной мѣстности растений весеннихъ и осеннихъ, и указываетъ на происшедшую вслѣдствіе сего неполноту его изслѣдованій. Изучивъ только небольшое пространство, да и то лишь въ отношеніи одной только лѣтней флоры, авторъ совершенно резонно воздерживается отъ общихъ выводовъ и заключеній.

Сочиненіе написано толково и представляетъ ботанико-географическій матеріалъ для нашей мѣстности тѣмъ болѣе интересный, что касается наименѣе изученной въ флористическомъ отношеніи части Харьковской губерніи. При сочиненіи представленъ гербаріумъ очень хорошихъ засушенныхъ растений, заключающій всѣ 504 вида, поименованныхъ въ систематическомъ спискѣ сочиненія. Онъ даетъ возможность убѣдиться въ вѣрности опредѣленія собранныхъ авторомъ растений. Только весьма немногія опредѣленія показались мнѣ сомнительными и потому требующими проверки.

Въ виду всего вышеизложеннаго, я нахожу, что разсматриваемое сочиненіе можетъ быть награждено преміей имени В. М. Черняева и представляя научный интересъ, заслуживаетъ быть напечатаннымъ.

Проф. *Л. Рейнгардъ*

Репортъ проф. М. Чубинскаго и пр.-доц. А. Киселева о сочиненіи на тему „Значеніе несовершеннолѣтія въ области уголовного вмѣненія“.

Къ темѣ изъ всей работы прямо относится ея начало, кончаются немногія страницы середины. Вся остальная часть механически излагаетъ правила отвѣтственности малолѣтнихъ и организацію исправительныхъ учрежденій для нихъ. Здѣсь авторъ проявляетъ мало самостоятельности и нерѣдко страницу за страницей почерпаетъ изъ какого-либо источника. Критическаго отношенія къ излагаемому матеріалу—мало оригинальныхъ выводовъ почти не встрѣчается. Въ началѣ своего сочиненія авторъ даетъ поречень прочитанной имъ литературы, но упоминая здѣсь работу Цукера ничѣмъ и нигдѣ не отразилась и едва ли была проштудирована; сверхъ того многія изъ цитатъ въ текстѣ носятъ случайный характеръ и приводятся изъ третьихъ рукъ.

Въ работѣ встрѣчается немало противорѣчій, а еще болѣе недоказанныхъ, но весьма рѣшительно высказанныхъ положеній.

Переписана работа слѣшно и небрежно. Вѣроятно, этимъ слѣдуетъ объяснить наличность многихъ грамматическихъ ошибокъ и искаженій въ иностранныхъ текстахъ и именахъ.

Встрѣчаются и серьезные промахи: „Горгіасъ“ авторъ считаетъ не трактатомъ Платона, а философомъ, которому онъ выражаетъ сочувствіе; онъ смутно различаетъ дѣйствующія и отмѣненные положенія русскаго законодательства объ отвѣтственности малолѣтнихъ и т. п.

Небольшая часть работы, относящаяся къ темѣ, свидѣлствуетъ, что авторъ размышлялъ надъ темой и стремился дать что-либо самостоятельное. Къ сожалѣнію и здѣсь положенія автора часто грѣшатъ бездоказательностью; часто также изложеніе становится неяснымъ благодаря туманности и неопредѣленности.

Въ пользу автора слѣдуетъ отмѣтить, что трудъ его довольно обширенъ, что онъ добросовѣстно ознакомился съ важнѣйшими литературными источниками и далъ, благодаря этому, довольно подробную картину отвѣтственности малолѣтнихъ и исправительныхъ для нихъ учреждений.

Въ виду этого мы склоняемся къ ходатайству о награжденіи автора почетнымъ отзывомъ.

И. д. экстраорд. проф. *М. Чубинскій.*

Прив.-доц. *А. Киселевъ.*

**Въ юридическій факультетъ Императорскаго Харьковскаго университета
профессора Николая Куплеваскаго рапортъ.**

Имѣю честь представить рецензію на сочиненіе, написанное на конкурсѣ преміи А. И. Палюбецкаго и доставленное мнѣ подъ девизомъ „Всѣ дороги ведутъ въ Римъ“.

Сочиненіе на тему „Обзоръ теорій о возникновеніи государства“, подѣ указаннымъ выше девизомъ, не представляетъ собою самостоятельного изслѣдованія по данному вопросу, но, какъ сочиненіе, представленное студентомъ для полученія преміи, отличается несомнѣнными достоинствами. Во 1-хъ, въ этомъ сочиненіи видно хорошее знакомство съ относящимися къ вопросу сочиненіями Ж. Ж. Руссо и Герберта Спенсера, которые являются представителями двухъ наиболѣе важныхъ теорій. Во 2-хъ, здѣсь видна достаточная начитанность автора—знакомство съ литературой, касающеюся указанныхъ двухъ авторовъ, а также знакомство съ лучшими пособіями, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о другихъ теоріяхъ, имѣющихъ въ настоящее время мало кредита въ наукѣ, и умѣнье пользоваться этими пособіями. Въ 3-хъ, сочиненіе изложено толково, хорошимъ литературнымъ языкомъ.

Авторъ немного увлекся творцомъ „Общественнаго договора“ его довольно подробную біографію. Біографія Ж. Ж. Руссо, говоря, не входитъ въ задачу, взятую авторомъ. Это нѣкоторое увлеченіе, которое, впрочемъ, не очень вредитъ автору, такъ какъ біографія сана сжато и читается легко.

Касаясь сочиненія по существу, я сказалъ бы автору слѣдующее:

На стр. 53—68, говоря о предшественникахъ Ж. Ж. Руссо и рассматривая мнѣнія по вопросу о возникновеніи государствъ Платона, Аристотеля, Марсалия Падуанскаго, Бодена, Гоббса и другихъ, авторъ, видимо, не замѣчаетъ, что всѣ эти писатели или совѣтъ не различали или же не ясно различали два различныхъ вопроса: 1) вопросъ о фактическомъ возникновеніи государства и 2) вопросъ объ *оправданіи* государства, главнымъ образомъ, его цѣлью. Аристотель, напр. нигдѣ не говоритъ, какъ государства возникаютъ изъ другихъ союзовъ, а говоритъ о необходимости государства и приводитъ свои доводы, объясняя, почему оно необходимо. Изъ рассмотрѣнныхъ въ представленномъ авторомъ сочиненіи писателей, только у Бодена мы встрѣчаемъ уже указаніе на то, какъ въ дѣйствительности возникли государства и въ какомъ послѣдствіи смѣняются его формы (см. въ представленномъ сочиненіи стр. 58). Гоббсъ и Руссо, не смотря на то, что они предполагаютъ естественное состояніе, изъ котораго въ послѣдствіи возникаетъ государство, изложеніемъ своихъ мнѣній даютъ полное основаніе думать, что и у нихъ вопросъ объ *оправданіи* существованія государства стоитъ на первомъ планѣ. Вопросъ о томъ, какъ въ дѣйствительности возникло государство, въ дальнѣйшемъ, если не на самомъ послѣднемъ. Они постоянно путаютъ оба эти вопроса. Естественное состояніе есть логическая гипотеза, принятая только для того, чтобы доказать читателю, что государство могло возникнуть посредствомъ договора, для того, чтобы оно имѣло свое оправданіе. Инымъ путемъ оправдать существованіе государства философы того времени не умѣли.

Сочиненіе по моему мнѣнію вполне заслуживаетъ преміи. Я прочелъ съ удовольствіемъ.

Проф. Н. Куллевскій.

Въ юридическій факультетъ Императорскаго Харьковского университета
приватъ-доцента Владиміра Ястржембскаго рапортъ.

Сочиненіе „Международный третейскій судъ“ подъ девизомъ: „говорить о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, единую семью соединятся“ распадается на три части. Первая

историческій очеркъ войны, какъ средства разрѣшенія международныхъ споровъ, и стремленій замѣнить или ограничить примѣненіе мирными способами улаженія международныхъ столкновений. При значительномъ мѣсто (78—136 стр.) авторъ посвящаетъ Гаагской конференціи, которая, по его словамъ: „показала, что право и миръ пу- гаютъ глубокіе корни въ область международныхъ отношеній, что войны объявлять крестовый походъ, не только со стороны теоретиковъ, а со стороны тѣхъ, кто правитъ міромъ“.

Вторая часть представляетъ исторію и догму Международнаго третейскаго суда. Наконецъ въ третьей части авторъ излагаетъ въ краткихъ словахъ „дальнѣйшую судьбу“ третейскаго суда и указываетъ на „вопросы, которые не поддаются юридическимъ формуламъ права, которые государства не представляютъ на третейскій судъ“. Къ такимъ вопро- самъ авторъ относитъ Восточный, Эльзась-Лотарингскій и національный. Последняя часть, наиболѣе самостоятельная, оказывается и наиболѣе сла- бою. Утвержденія автора здѣсь нѣсколько поверхностны и иногда бездо- казательны. Но эти недостатки покрываются основательной начитанностью автора, обнаруженной имъ въ первыхъ двухъ частяхъ, умѣньемъ разо- браться въ сложныхъ вопросахъ, отдать предпочтеніе болѣе правильнымъ мнѣніямъ, наконецъ спокойнымъ изложеніемъ при горячемъ и не под- чиненномъ интересу къ кореннымъ вопросамъ права и справедливости въ жизни народовъ.

На этомъ основаніи я полагаю-бы возможнымъ признать работу неизвѣстнаго автора достойной преміи Д. И. Каченовскаго.

Привать-доцентъ В. Ястржембскій.

Въ медицинскій факультетъ Императорскаго Харьковскаго университета про- фессора А. К. Бѣлоусова рецензія сочиненія, представленнаго неизвѣстнымъ авторомъ на соисканіе преміи имени тайн. сов. М. М. Алексѣенко.

Сочиненіе, представленное на премію М. М. Алексѣенко, на задан- ную тему „*Къ сравнительной анатоміи воротъ печени*“, содержитъ весьма подробное и обстоятельное описаніе воротъ печени различныхъ животныхъ; у человека описаны v.v. acussorii portarum въ поперечной бороздѣ; ука- зано точное распредѣленіе въ ней артеріальныхъ стволовъ и вѣтвей во- ротной вены; vasa aberrantia hepatis; указаны аномаліи образованій ствола воротной вены, интересныя въ практическомъ (хирургическомъ) отноше- нии. Изъ отряда птицъ—ворота печени разобраны у удода, ракши, шура, перепелки, зеленого дятла, баклана, черныша, выпи. Указаны особенно характерныя образованія v. portae у баклана и выпи, у которыхъ ворот-

ная вена, дѣлясь на стволы, не образуетъ, обычныхъ для другихъ, и лѣвой системъ воротныхъ венъ.

Изъ амфибій — у лягушки авторъ приводитъ иное распо-
сосудовъ, чѣмъ оно описано и изображено у Ecker'a и другихъ авторъ.

Изъ рыбъ — описаны: акула, скать, налимъ, угорь.

Изъ млекопитающихъ — человѣкъ, заяцъ, кроликъ, мышь, ежъ.

Сочиненіе богато иллюстрировано рисунками, сдѣланными крас-
большей частью въ натуральную величину.

Нѣтъ сомнѣнія, что такія обширныя работы и такъ обстав-
не часто появляются среди работъ даже вполне сложившихся, со-
ученыхъ, а потому я считаю указанное сочиненіе болѣе, чѣмъ
нымъ выдачи за него искомой преміи, въ виду же несомнѣннаго
нія научнаго, въ особенности по причинѣ хорошо собранной лите-
я бы просилъ факультетъ ходатайствовать о напечатаніи этого сочи-
на университетскій счетъ, а такъ какъ очень сложные рисунки
стоитъ очень большихъ денегъ, то не найдетъ ли факультетъ возмо-
ходатайствовать о напечатаніи въ Запискахъ Петербургской Ака-
Наукъ, тѣмъ болѣе, что такихъ изображеній не имѣется нигдѣ,
тельная же анатомія есть важнѣйшая изъ наукъ.

Ординарный профессоръ А. К. Блюсовъ.

Вывихи костей запястья, сочиненіе подъ девизомъ „ἀεὶ ὁ Θεὸς ὑποσχεταί“

Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ 91 большихъ писанныхъ
ницъ, 5 таблицъ рисунковъ и 4 рентгенограммы.

Чтеніе сочиненія сразу обнаруживаетъ, что авторъ не новичекъ въ
научныхъ работахъ и умѣетъ ориентироваться и находить то,
данной темѣ представляетъ интересъ. Данная тема была дана въ
вольно широкомъ масштабѣ, именно съ цѣлью дать автору больше
стора и показать свое умѣніе ориентироваться въ литературѣ
Можно смѣло сказать, что авторъ прекрасно справился съ своей
и далъ много больше, чѣмъ можно требовать отъ студенческой
Я съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаю не только умѣніе не-
наго автора обращаться съ литературными источниками, не только
ориентироваться въ довольно трудныхъ вопросахъ и критически
ситься къ нимъ, но и ту любовь къ предпринятому труду, которая
во всей работѣ автора. Съ перваго раза кажущаяся краткость
только еще болѣе подтверждаетъ при ближайшемъ знакомствѣ съ
что авторъ не новичекъ въ умѣніи обращаться съ литературными
никами и способенъ, не смотря на сжатость, точно излагать свои

брать изъ литературы только существенное. Эта сжатость представ-
ляет тоже одно и притомъ не маловажное достоинство работы, которая
читается легко и съ большимъ интересомъ. Въ концѣ читатель найдетъ
литературный указатель, въ которомъ помѣчено 30 №.

Надо отдать справедливость автору, который сумѣлъ дать ясную
картину положенія вопроса. Сдѣлавъ общее обозрѣніе положенія во-
проса о вывихахъ запястья, авторъ останавливается на вывихахъ отдѣль-
ныхъ костей его и даетъ прекрасную, ясную картину вывиховъ каждой
отдѣльной кости въ частности. Здѣсь было легко впасть въ крайность
растягиванія каждой отдѣльной главы, но авторъ вѣренъ себѣ и въ сжа-
той формѣ знакомитъ читателя настолько, что выносишь ясное представ-
леніе. Эта часть работы заканчивается главой о вывихахъ въ межзапяст-
ныхъ суставахъ. Слѣдуетъ прибавить, что цѣнность этой части работы усу-
бливается не только тѣмъ, что въ ней можно найти новый, еще неопуб-
ликованный случай вывиха полулунной кости, наблюдавшійся въ моей
клиникѣ, но и приводимый авторомъ случай, наблюдавшійся имъ самимъ,
вывиха головчатой кости. Разбираемая часть заканчивается 17-ю выво-
дами, которые авторъ дѣлаетъ изъ разобранныхъ имъ казуистикъ.

Не менѣе интереса представляетъ собою и вторая часть работы,
въ которой авторъ останавливается на механизмѣ вывиховъ костей запястья.
Сдѣлавъ опять таки сжатый очеркъ существующихъ теорій и критически
разобравъ ихъ, авторъ предпринялъ провѣрку существующихъ теорій,
основываясь на анализѣ движенія кисти и экспериментѣ. Предпославъ
прекрасный очеркъ анатоміи запястья, авторъ переходитъ къ изложенію
своихъ опытовъ на трупахъ, опытовъ, число которыхъ болѣе чѣмъ до-
статочно. Опыты варіировались въ разныхъ направленіяхъ и дали не-
благопріятные результаты для существующихъ теорій. Тогда авторъ, ана-
лизируя механизмъ вывиховъ, приходитъ къ новому оригинальному пред-
ставленію и снова предпринимаетъ опыты на трупахъ. Въ послѣднемъ
направленіи сдѣлано 15 опытовъ и автору впервые удалось получить два
разъ вывихъ большой многогранной кости и 1 разъ вывихъ гороховид-
ной и трехгранной костей. Такіе результаты въ значительной степени
подтверждаютъ новое мнѣніе автора о механизмѣ вывиховъ. Конечно
важны дальнѣйшіе опыты въ этомъ направленіи, но и того, что
сдѣлано, вполне достаточно, чтобы работа имѣла право на появленіе въ
печати.

Къ работѣ, какъ уже сказано, приложены прекрасно составленный
литературный перечень и отлично сдѣланные рисунки и рентгogramмы.

Все вышесказанное даетъ мнѣ полнѣйшее право не только настоя-
тельно ходатайствовать передъ факультетомъ о награжденіи разбираемаго

труда *золотою медалью*, но и просить факультетъ о постановленіи сительна напечатанія работы въ „Запискахъ университета“.

Проф. Соколовъ

Вывихи костей запястья подъ девизомъ: „Путь въ хирургическую долженъ быть черезъ анатомическій театр и т. д.“

Довольно объемистое сочиненіе въ 308 большихъ писанныхъ ницъ, изъ коихъ 214 падаютъ на довольно подробный историческій обзоръ, которому предшествуетъ небольшое введеніе. Въ историческомъ обзорѣ, составленномъ очень подробно, авторъ вдается иногда въ излишнія подробности, что не мало затрудняетъ чтеніе работы. Таблицы, приложенныя въ концѣ этой части, даютъ возможность нѣсколько оріентироваться и составить себѣ представленіе о полнотѣ вопроса. Я считаю недостаткомъ отсутствіе критическаго разбора ратурныхъ данныхъ, но надо принять во вниманіе, что мы имѣемъ съ молодымъ авторомъ, къ которому нельзя примѣнять той мѣрки, какою была бы уместна по отношенію къ уже сформировавшемуся ученому.

Вторую часть работы составляютъ опыты на трупахъ, которыхъ имѣется 17. Крайне интересенъ опытъ автора на только-что выведенной у больного рукѣ, что представляетъ новинку и доказываетъ автору пользоваться клинкой и съ опытной стороны. Изъ этихъ опытовъ только въ трехъ удалось получить полный вывихъ кисти. Всѣ описанія опытовъ снабжены прекрасными схемами, дающими ясную картину механизма дѣйствія насилія.

Третью и послѣднюю часть работы составляетъ общій обзоръ изолированныхъ вывиховъ костей запястья, а затѣмъ и полныхъ вывиховъ кисти.

Въ общемъ работа потребовала отъ автора много труда, времени и, не смотря на нѣкоторыя шероховатости въ изложеніи, вполне удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ студенческой работѣ. Вотъ почему я и прошу факультетъ не отказать и этому сочиненію въ присужденіи золотой медали, которая нечично поощритъ молодого аспиранта къ дальнѣйшимъ работамъ. Я ходатайствую о напечатаніи сочиненія, такъ какъ просилъ уже о напечатаніи другого сочиненія на ту же тему и считаю, что для печати работа требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ.

Профессоръ Соколовъ

в медицинскій факультетъ Императорскаго Харьковскаго университета профессора анатоміи А. Н. Бѣлоусова рецензія сочиненія неизвѣстнаго автора съ девизомъ *Αει ὁ Θεός γεωμετρεῖ* „О вывихахъ костей запястья“, представленнаго на соисканіе медали.

Половина этого сочиненія состоитъ изъ чисто анатомической работы, произведенной въ моей анатомической лабораторіи и весьма тщательно сдѣланной, составляетъ необходимѣйшее введеніе въ содержаніе той же темы о вывихахъ мелкихъ костей кисти, потому что собственно въ русской литературѣ, съ разобранной точки зрѣнія, имѣется ничтожное количество трудовъ и притомъ несистематизированныхъ въ достаточной степени для пониманія происхожденія вывиховъ и ихъ возможности. То, что написано, анатомическаго, по этой части въ заграничной литературѣ, конечно требовалось провѣрить и вообще привести во взаимную связь.— Авторъ, пользуясь трупнымъ матеріаломъ и опытами надъ ними, а также наблюденіемъ на живыхъ съ помощью рентгенизаціи, составилъ и представилъ 1) описаніе строенія кисти (мелкихъ костей) и 2) разборъ механизма движеній этихъ частей, при физиологическихъ и ненормальныхъ движеніяхъ, а также простыхъ и сложныхъ,—составленныхъ изъ движений по нѣсколькимъ направленіямъ. Описаніе костей очень полно и для каждой кости отмѣчена форма ея сочленовныхъ поверхностей, направленіе поверхностей къ осямъ кисти, всѣ, самыя малѣйшія, выпуклости, морщины имѣтъ значеніе при движеніяхъ отдѣльныхъ костей; все это и кратко и въ тоже время очень полно составлено.

Простыя движенія—флексія, экстензія разобраны авторомъ на основаніи самыхъ новѣйшихъ анатомическихъ данныхъ; авторъ приводитъ только дуги нормальныхъ границъ вращенія, но и степень участія въ этомъ вращеніи каждой отдѣльной кости и измѣненія соотношеній съ другими костями.

Такъ какъ въ литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, описанія измѣненій соотношенія костей запястья при смѣшанныхъ движеніяхъ не имѣетъ то автору, для выясненія этого обстоятельства, пришлось заняться наблюденіями на трупахъ въ этомъ направленіи, и описанія автора вполне подтверждаются комбинаціей чистыхъ движеній по рентгенограммамъ и изученіемъ соотношеній костей на препарированныхъ кистяхъ.

Все, приведенное авторомъ, описаніе измѣненій положенія костей необходимо для выясненія возможности вывиха при всякомъ данномъ движеніи кисти.

Авторъ опирается на слѣдующее положеніе: какая-нибудь кость запястья можетъ легче вывихнуться тогда, когда дѣйствующая сила направлена въ наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ установки сочленов-

ныхъ поверхностей съ окружающими другими костями.—Такимъ образомъ авторъ, разбирая соотношенія костей, при различныхъ сгибаніяхъ кисти, указываетъ на самыя удобныя положенія для происхожденія вывиха той или иной кости.

Имъ произведены также опыты паденія на кисть и высказаны нѣкоторыя предположенія, весьма основательныя. Неудачность многихъ опытовъ авторъ объясняетъ различіями чисто индивидуальными, причемъ несомнѣнно играть должны роль даже минимальныя уклоненія формы сочлененій, учесть которыя пока невозможно.

На основаніи весьма обстоятельно обработаннаго анатомическаго отдѣла, большой его точности и несомнѣнныхъ знаній авторомъ основъ науки, я полагаю вполне справедливымъ присоединиться къ мнѣнію профессора Соколова. Ординарный профессоръ А. Бьюлусовъ.

Въ медицинскій факультетъ Харьковскаго университета. Рецензія студенческой работы на тему „Цитолизины и цитокоагулины изъ кровяныхъ железъ“, представленной подъ девизомъ „Ученые свѣтъ—неученье тьма“, профессора А. Репрева.

Авторъ разбираемой работы занимался изслѣдованіемъ цитолизиновъ и цитокоагулиновъ изъ щитовидной железы. Вся работа раздѣлена на 2 части: 1) историческую и 2) посвященную изложенію самостоятельныхъ экспериментовъ. Первая часть дѣлится въ свою очередь на 2 главы: а) главу о переливаніи крови—операции, давшей толчекъ для составленія понятія о цитолитическихъ свойствахъ кровяной ткани одного организма на кровь другого организма, стоящаго не въ кровномъ зоологическомъ родствѣ съ первымъ, и б) краткій очеркъ исторіи о гемолизинахъ и бактериолизинахъ.

2 часть подраздѣляется на нѣсколько главъ. Въ 1-й главѣ сообщаются данныя о щитовидной железн: эмбриологическія, анатомическія, гистологическія, фізіолого-химическія и фізіологическія. Во 2-й главѣ приведены собственныя изслѣдованія; во 1-хъ авторъ испытываетъ разницу дѣйствія на собачью кровь сыворотокъ крови собаки нормальной и собаки, лишенной щитовидной железы; во 2-хъ авторъ сравниваетъ устойчивость эритроцитовъ нормальной крови и крови патологической вследствие вылученія щитовидной железы; въ 3-хъ изучался самый процессъ растворенія эритроцитовъ.

Краткимъ сообщеніямъ о свойствахъ сыворотокъ, о разной устойчивости эритроцитовъ и о самомъ процессѣ лизирования эритроцитовъ авторъ отводитъ первую часть 2-й главы. Во 2-й части 2-й главы авторъ разсматриваетъ болѣе детально свойства сыворотки крови животнаго, ли-

щитовидной железы, по отношенію дѣйствія ея на кровь собаки т. е. разбираетъ дѣйствіе патологическаго изолизина и свойства эритроцитовъ патологической крови собаки. Въ 3-й части разбирается дѣйствіе сыворотки крови собаки, лишенной железы, на *инородную* кровь, а авторъ говоритъ о гетеролизинахъ,—о сывороткѣ собачьей крови ея дѣйствіи на кровь морской свинки и барана.

Вся остальная часть работы посвящена описанію тѣхъ экспериментовъ, помощью которыхъ авторъ добился возникновенія въ крови животного сильнаго специфическаго цитолизина по отношенію къ клеткамъ щитовидной железы. Опыты ставились такъ: кошку въпрыскивалась эмульсія изъ щитовидной железы собаки въ теченіе 45 дней; сывороткѣ крови кошки появлялся цитокоагулинъ и цитолизинъ для клетокъ щитовидной железы собаки. Свертывающее и склеивающее, а растворяющее дѣйствіе сыворотки авторъ испыталъ на макроскопическихъ препаратахъ въ пробиркѣ, на микроскопическихъ препаратахъ наконецъ на живой собакѣ. Подъ микроскопомъ и въ пробиркѣ происходитъ коагуляція клетокъ щитовидной железы и затѣмъ раствореніе ихъ.

У живой собаки при выпрыскиваніи сыворотки иммунизированной крови появляются припадки аналогичные припадкамъ, обнаруживаемымъ при вылушеніи железы, т. е. наблюдается уменьшеніе продукціи, а затѣмъ и исчезаніе секрета щитовидной железы вслѣдствіе распыланія и растворенія клетокъ ея подъ вліяніемъ сыворотки.

Разбираемая работа, по добытымъ авторомъ результатамъ, полна большого научнаго интереса. Открытіе цитолизирующаго дѣйствія на клетки щитовидной железы сыворотки иммунизированнаго животного—имѣетъ помимо чисто научнаго значенія—высокій практическій интересъ; открытіемъ автора указывается путь для лѣченія гипертрофическихъ зонъ, а послѣдующее открытіе антитиреоцитолизина еще болѣе расширяетъ область пракческаго примѣненія лѣчебныхъ сыворотокъ. Открытіе же антитиреоцитолизина, конечно, не заставитъ себя ждать.

На основаніи изложеннаго, авторъ разбираемой работы заслуживаетъ самой высокой похвалы. И я съ своей стороны не колебался бы рекомендовать предъ факультетомъ о награжденіи автора высшей наградой, если-бъ изложеніе автора, особенно изложеніе исторической части, было болѣе гладкое и мѣстами менѣе странное. Какъ примѣръ слога автора приведу двѣ цитаты:

На стр. 11. „Затѣмъ этимъ авторомъ впервые указывается какъ активная сыворотка—алексинъ. Какъ по поводу бактерицидности такъ и цитодидности“.

На стр. 9. „Эти положенія хотя уже вполне обрисовываютъ лизирующую силу сыворотки кровяной, но еще много времени протекло, пока на этотъ вопросъ открыты были глаза ученыхъ съ настоящей точки зрѣнія“.

На стр. 30—31. Авторъ смѣшиваетъ понятіе о Базедовой болѣзни съ понятіемъ о зобѣ вообще и т. д.

На основаніи всего вышеизложеннаго я затрудняюсь категорически высказаться о степени награды.

Проф. А. Репревъ.

Въ дополненіе къ сдѣланной рецензіи имѣю честь добавить, что тема для работы мной дана въ январѣ 1902 года, и къ работѣ приступлено въ январѣ же мѣсяцѣ. До іюня мѣсяца всѣ сообщенныя экспериментальнаго изслѣдованія были уже получены. Въ 30 числа появляется Т. XIV в. 1 Русскаго Архива Патологіи и въ этой статьѣ Маньковского о тиреотоксинахъ. Д-ръ Маньковский уже добываетъ специфическую сыворотку для клѣтокъ щитовидной железы; нотирую, что авторомъ разбираемой работы получена специфическая сыворотка раба Маньковского, слѣдовательно, совершенно верно. Помимо этого замѣчанія считаю долгомъ еще разъ отметить, что аутогемолизины при патологическихъ условіяхъ никакъ другіе, а были выдѣлены послѣ тиреэдектоміи; точно также никакъ другіе было указано на чрезвычайную силу гетерогемолизина послѣ тиреэдектоміи.

Проф. А. Репревъ.

**Въ медицинскій факультетъ Императорскаго Харьковскаго университета
профессора Владиміра Платоновича Крылова рапортъ.**

Сочиненіе неизвѣстнаго автора на тему: „О вліяніи нѣкоторыхъ физическихъ и химическихъ условій на воспроизведеніе микробовъ, темъ какъ простаго дѣленія, такъ и спорообразованія“.

Подъ девизомъ: „Die Wissenschaft ist eine Art Republik, in welcher jeder das Recht hat“ состоитъ изъ 5 главъ и введенія и занимаетъ 122 страницы писаннаго текста.

Во введеніи на 2½ страницахъ авторъ указываетъ, что въ бактериологической литературѣ нѣтъ согласія авторовъ по трактуемому вопросу. Объясняя это тѣмъ, что одни изслѣдователи сосчитывали за достоинство споръ для сужденія объ энергіи спорообразованія, а другіе — блюдали лишь скорость начала спорообразованія, авторъ обѣщаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ считаться съ обоими критеріями.

Глава 1 посвящена изслѣдованію вліянія истощенія питательной среды на спорообразованіе у микробовъ.

На стр. 5—15 подробно изложена литература вопроса, а затѣмъ 15—39 страницы посвящены изложенію собственныхъ опытовъ автора съ культурами *bac. Subtilis*, *Anthrax*, *Megaterium* на жидкихъ и твердыхъ питательныхъ средахъ.

Заключеніемъ автора на основаніи 33 изложенныхъ въ 1-й главѣ опытовъ является положеніе: „причиной спорообразованія въ нормальныхъ культурахъ является истощеніе питательной среды“.

Во 2-й главѣ труда выясняется „вліяніе температуры на ростъ и спорообразование микробовъ“.

Первыя 15 страницъ и этой главы посвящены разсмотрѣнію литературы вопроса. На слѣдующихъ 15 страницахъ приведены описаніе и результаты собственныхъ 14 опытовъ, изъ коихъ выяснилось, что оптимально для размноженія вегетативныхъ формъ и образованія споръ у микробовъ авторомъ микробовъ 20—22° С, 30° и 36—37°.

Въ 3-й главѣ авторъ занимается вопросомъ о вліяніи свѣта на ростъ и спорообразование микробовъ. 8 опытовъ и обзоръ литературы убѣждаетъ автора въ бактерицидномъ дѣйствіи какъ прямого, такъ и разсѣянаго солнечнаго свѣта, при чемъ агентомъ этого вліянія являются исключительно химическіе лучи спектра. Въ отношеніи этого положенія разницы между спорами и вегетативными формами не наблюдалось.

4-я глава трактуетъ о вліяніи на микробовъ въ интересующемъ автора смыслѣ хлористаго натра (3 опыта), хлористаго кали (2 опыта), сернистохлористаго натра и калия (по 2 опыта) въ различной концентраціи растворовъ, а также эквимолекулярныхъ растворовъ тѣхъ же солей (4 опыта). Заканчивается глава изслѣдованіемъ вліянія винограднаго сахара.

Оставляя въ сторонѣ частные выводы этой главы, общее заключеніе автора таково, что „калійныя соли являются лучшей питательной средой, чѣмъ натронныя“.

Далѣе „осмотическое давленіе въ интересующемъ автора смыслѣ не имѣетъ значенія, такъ какъ посѣвъ микробовъ въ изотоническихъ растворахъ даетъ различные результаты“.

5-я глава (13 страницъ) вся посвящена литературѣ вопроса о вліяніи кислорода, водорода и азота. Собственныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи авторъ произвести не успѣлъ.

Въ этой главѣ 10 страницъ заняты подробнымъ рефератомъ работы Klett'a.

Къ реферированной работѣ приложено 7 отчетливыхъ микрограммъ и списокъ литературныхъ источниковъ, заключающій 83 номера.

Изъ списка литературы видно, что авторъ въ оригиналѣ читалъ болѣе крупныя руководства по бактериологіи, знакомствомъ же съ значительнымъ большинствомъ брошюръ и статей обязанъ рефератамъ периодическихъ изданій (преимущественно—„Centralb. f. Bacteriologie“.

Въ общемъ авторъ познакомился и съ новѣйшими литературными источниками и во всѣхъ частяхъ своего труда обстоятельно знакомитъ съ ними читателя. Это обиліе литературныхъ ссылокъ еще болѣе выдѣляетъ недостаточность собственныхъ опытовъ автора для выполненія поставленной имъ себѣ задачи.

Въ разнообразіи постановки опытовъ и расчлененіи вопроса желаніе автора возможно шире охватить предложенную тему.

Небрежность изложенія и малое число опытовъ нужно отнести съчетъ недостатка времени.

Въ виду всего изложеннаго рецензируемая работа должна быть признана заслуживающей награжденія золотой медалью. Проф. Крыловъ

Рецензія на сочиненіе неизвѣстнаго автора „О вліяніи горечей на желудочное пищевареніе при различныхъ заболѣваніяхъ желудка“ подъ девизомъ „Völlig Gutes giebt es nicht in dieser Welt, also etwas Gutes gebärt einen Bagriff von Bessern“ (Göthe).

Вся работа автора распадается на два отдѣла. Въ первомъ авторъ излагаетъ кратко исторію желудочнаго пищеваренія на основаніи литературныхъ данныхъ, собранныхъ имъ въ хронологическомъ порядкѣ, и доводитъ таковую до позднѣйшаго времени. Далѣе онъ говоритъ о составныхъ частяхъ желудочнаго сока, сол. кислотѣ, пепсинѣ, о значеніи ихъ въ актѣ пищеваренія, слѣд. о химизмѣ (желудочнаго пищеваренія) далѣе о всасывающей и двигательной способности желудка. Остановившись на такой разнообразной дѣятельности желудка, авторъ говоритъ далѣе о тѣхъ способахъ изслѣдованія желудочнаго пищеваренія, какіе существуютъ вообще въ методикѣ изслѣдованія функцій желудка, и въ частности о тѣхъ, которыми онъ самъ пользовался при своихъ изслѣдованіяхъ. Подробнѣе онъ останавливается на способахъ изслѣдованія и, главное, опредѣленія СІН въ желудочномъ сокѣ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, т. е. всей СІН свободной и связанной. Говоря о различныхъ способахъ опредѣленія всей СІН въ желудочномъ сокѣ, авторъ останавливается на способѣ Joquist-Jaksch'a, какъ наиболѣе правильномъ по заявленію авторитетныхъ изслѣдователей въ этой области. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ опредѣляетъ содержаніе СІН и титромъ, — повѣряя такимъ образомъ одинъ способъ другимъ. Это конечно даетъ автору возможность получать цифры СІН въ желудочномъ сокѣ, близкіе къ истинѣ. Опредѣленія молочной кислоты, удаленіе жирныхъ кислотъ всасывающую и двигательную способности желудка авторъ производитъ обычными употребляемыми при этомъ способами. Говоря о каждомъ изъ нихъ, онъ говоритъ о недостаткахъ и достоинствахъ; слѣдовательно совершенно сознательно и критически относится къ нимъ. Силу пищеварительной способности желудочнаго сока опредѣляетъ по Метту, способомъ наиболѣе пѣлесообразному. Изложивши такимъ образомъ методы изслѣдованія желудочнаго пищеваренія, указавши тѣ, которыми онъ пользовался въ своихъ изслѣдованіяхъ, авторъ переходитъ къ изложенію второго от-

своего труда, который онъ начинаетъ изложеніемъ литературныхъ свѣдѣній о примѣненіи горечей въ терапіи. Эти свѣдѣнія авторъ доводитъ до позднѣйшаго времени, указывая на наблюденія надъ больными экспериментальныя изслѣдованія надъ животными. (Traube, Фортуна-новъ, Поповъ С. А., Hofmeister—пищеварительный лейкоцитозъ, Michelson, и друг., Чельцовъ, Marconi, Фавицкій). Приведенныя авторомъ наблюденія и изслѣдованія, какъ экспериментальныя, такъ и клиническія, вызываютъ на діаметрально противоположныя данныя объ отношеніи горечей къ пищеварительному акту. Одни изслѣдователи признаютъ благотворное вліяніе горечей на аппетитъ и пищевареніе (Traube, Фавицкій, Чельцовъ); другіе на оборотъ отказываютъ имъ въ какомъ бы то ни было эффектѣ (Чельцовъ, Bachheim и Engel). Малое значеніе придаетъ имъ и Reichmann, работавшій съ ними и представившій наибольшее число наблюденій—173 отдѣльных изслѣдованій желудочнаго сока надъ 29 больными. Вотъ то положеніе вопроса о вліяніи горечей на желудочное пищевареніе, въ которомъ онъ находится въ настоящее время.

Приступая къ своимъ наблюденіямъ надъ больными, авторъ говоритъ, что больнымъ по поступленіи въ клинику давалась 3—4 дня индифферентная терапія и устанавливался пищевой режимъ. Въ эти же дни они привыкали къ введенію зонда, добывался у нихъ желудочный сокъ, определялась его кислотность, СІН свободная и связанная, пищеварительная способность по Метту, всасывающая и двигательная. Когда устанавливался діета и пищеварительная способность желудочнаго сока данного больного, двигательная и всасывающая, только тогда назначались горечи. Изъ горечей авторъ употреблялъ Condurango, Colombo, Abseniz Gentiana и наконецъ Oreganum Basicum. Последнее средство хотя и не относится къ горечамъ, но въ виду появившихся многочисленныхъ наблюденій о прекрасномъ дѣйствіи Oregan'a на аппетитъ, было интересно познакомиться съ нимъ клинически обстоятельнѣе.

Форма, въ которой давались Omata—это Int-D-to, въ количествѣ 120—180 и 30 на 180,0. Весьма основательно авторъ избѣгалъ давать Int-to въ виду содержанія алкоголя. Время дачи горечей разнообразилось авторомъ,—онъ давалъ ихъ утромъ на тощакъ, за 20—30 мин. до обѣда, въ время пищи и послѣ. Число приема 3—4 столовыхъ ложки въ день. Варьировались его опыты и такимъ образомъ, что больному въ началѣ наблюденія давалась одна горечь, послѣ перерыва въ три, четыре дня давалась другая и такимъ образомъ являлась возможность сравнивать между собою дѣйствіе различныхъ горечей. Число изслѣдованій желудочнаго сока у каждого больного отъ 5—11. Изъ нихъ отъ 2—3 при индифферентной терапіи, отъ 6—8 при дачѣ горечей. Число изслѣдованій желудочнаго сока каждого больного при безразличномъ лѣченіи

при назначеніи горечей, а равно указанія, какую горечь, одну или послѣдовательно принималъ больной, и средній выводъ проявленія функций желудочнаго сока каждаго больного до дачи горечей, при дачѣ а также и по прекращеніи приѣма горечей представлены авторомъ 15 таблицахъ. Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, слѣдующіе:

1. Горечи, даваемые больнымъ за нѣсколько времени до ѣды (20—30 мин.), вліяютъ благотворно на выдѣленія СЖ и на пищеварительную способность желудочнаго сока, при такихъ заболѣваніяхъ желудка, при которыхъ на первый планъ выступаютъ диспептические явленія съ уменьшеннымъ выдѣленіемъ СЖ и въ основѣ которыхъ нѣтъ глубокихъ томиическихкихъ измѣненій желудка.

2. Горечи часто оказываютъ вліяніе на двигательную способность, увеличивая таковую нѣсколько.

3. На всасывающую способность горечи не вліяютъ.

4. Большая концентрація горечей (30,0—200,0) дѣйствуетъ чѣмъ слабѣе (12,0—200,0).

5. Въ дѣйствиі различныхъ горечей на желудочное пищевареніе существенной разницы нѣтъ; но лучше сравнительно вліяютъ Absenii Condurango.

Переходя къ оцѣнкѣ труда неизвѣстнаго автора, я нахожу трудъ весьма хорошимъ и достойнымъ награжденія золотой медалію и почему: литература собрана авторомъ весьма добросовѣстно, изложена толково и обдуманно. Способы, избранные авторомъ для опредѣленія различныхъ функций желудочнаго пищеваренія, самыя лучшія изъ существующихъ въ настоящее время въ наукѣ. Къ нимъ авторъ отнесся, насколько это для него доступно, критически—слѣд. сознательно, указывая ихъ недостатки, и достоинства; наблюденія надъ больными поставлены имъ въ условія, удовлетворяющія требованіямъ научныхъ изслѣдованій, число слѣднихъ велико; ни одинъ изъ авторовъ, работавшихъ надъ этимъ вопросомъ, столько изслѣдованій не сдѣлалъ: 196, а у Reichmann'a 173. Самыя изслѣдованія сдѣланы весьма аккуратно и съ соблюденіемъ предосторожностей, необходимыхъ для чистоты наблюденія; выводы автора логичны, въ нихъ незамѣтно увлеченія. Правда, работа не свободна отъ недостатковъ, но они не существенны и, по моему мнѣнію, не могутъ и не должны уменьшить предлагаемой мною награды.

Проф. И. Н. Оболенскій.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Введеніе въ Византійскую исторію.

(Ветупительная лекція III. Диль, читанная въ Сорбоннѣ 7 декабря 1899 года).

Переводъ съ француз. студ. Г. Васькова.

I.

Существуютъ слова, за которыми установилась дурная репутація—числу словъ этой категоріи принадлежитъ и слово „византійскій“. Выраженіемъ „византійскіе разговоры“, какъ стереотипной фразой, журналистъ называетъ продолжительные и бесполезные дебаты въ парламентѣ; названіемъ „византійской церемоніи“ онъ осмѣиваетъ пышные и напыщенные выраженія какого-либо протокола. Даже въ нашихъ умахъ слово „византизмъ“ вызываетъ какое-то непріятное представленіе о запутанныхъ, скучныхъ спорахъ, безконечныхъ препирательствахъ по поводу какого-либо наклоненія или запятой; нѣтъ надобности говорить о томъ представленіи, какое соединяется съ выраженіемъ „византійскіе нравы“.

Для большинства представленіе о Византіи неразрывно связано картиной цѣлаго народа крючковыхъ богослововъ, „болтливыхъ проповѣдниковъ“, какъ говоритъ Тэнъ, отшлифованныхъ и изукрашенныхъ пышнымъ церемоніаломъ, забывающихъ за пустою болтовнею и безсмысленными формулами наиболѣе насущныя потребности національной жизни.

Благодаря совершенно безсознательному, но прочно укоренившемуся ожесточенію мірянина по поводу теперь уже улегшихся страстей, возбужденныхъ богословскими спорами, мы все еще судимъ о Византіи съ точки зрѣнія крестоносцевъ, которые ея не понимали и съ точки зрѣнія папъ, отлучившихъ ее. Со времени Вольтера и Монтескье стало общимъ мѣстомъ у историковъ представлять Восточную Греческую исторію выродившимся жалкимъ наслѣдникомъ Римской имперіи. Об-

щимъ мѣстомъ стало, равнымъ образомъ, въ области краснорѣчивости на примѣръ византійцевъ временъ упадка, которые ожесточились изъ-за пустяковъ въ то время, когда Магометъ II стоялъ у воротъ Константинополя.

Такимъ образомъ, прибѣгая къ избитому анекдоту или эпигриту, пускаютъ на смарку 10 столѣтій исторіи, въ которой часты славные моменты и которая всегда интересна; исключаютъ области изученія 10 вѣковъ цивилизаціи, которая, пожалуй, была болѣе блестящей и утонченной цивилизаціей, какую знаютъ средніе вѣка.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что у Византіи были свои недостатки роки, которыми и объясняется ея дурная слава; отрицать эти недостатки было бы ребячествомъ. Въ исторіи Византіи были и дворцовыя интриги, и государственные перевороты, и солдатскіе бунты и въ этомъ отношеніи она имѣетъ громадное сходство съ Римомъ временъ упадка. Она страстно любила игры въ циркѣ, ни чуть не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ императорскаго Рима, и даже, пожалуй, превосходила его въ этомъ своего великаго предшественника, пресытившагося уже опасными зрѣлищами. Не смотря на всю утонченность своей культуры она обладала, подчасъ, жестокими, варварскими нравами и въ этомъ отношеніи истиннымъ дѣтищемъ Среднихъ вѣковъ, она не леко превосходила въ жестокости громадное большинство современныхъ и смежныхъ съ нею народовъ; наконецъ, она порождала низкіе дѣла, лакейскіе характеры и въ этомъ имѣетъ сходство, пожалуй, со средними вѣками. Внѣ всякаго сомнѣнія—и это не малый упрекъ—она не могла любить богословскіе споры и, благодаря имъ, равнымъ образомъ пренебрегала интересами и государства и церкви. Хотя трудно сказать, не впадаемъ ли мы здѣсь въ ошибку, благодаря неполнотѣ нашихъ данныхъ.

Какое бы широкое значеніе ни отвели мы свойственной византійцамъ страсти къ разнымъ утонченнымъ разсужденіямъ, все-таки мы не можемъ не удивляться тому, какъ это государственные люди, и государственные мыслители, возбуждаются изъ-за суетной страсти къ догматизму, къ непримиримымъ разногласіямъ и глубокія смуты въ Имперіи. Но въ этомъ, что формулы, служащія лозунгомъ партій, какъ извѣстно, въ краткихъ формахъ скрываютъ всевозможныя притязанія и планы, такъ и въ этомъ образѣ подъ богословскими выраженіями византійцевъ скрываются идеи, программы, политическая оппозиція; такимъ образомъ, византійскіе интересы государства, а совсѣмъ не страсть къ нововведеніямъ, въ области вѣры чаще всего опредѣляли въ этой области поведение императоровъ. Къ тому же, въ этой „всемирной“ монархіи, гдѣ императоръ былъ единственнымъ средствомъ соединенія частей въ единство.

где православіе, какъ это было правильно замѣчено, замѣняло національность, едва-ли удивительно преобладаніе вопросовъ религіозныхъ надъ чисто политическими. Едва-ли поэтому мы имѣемъ признавать споры по религіознымъ вопросамъ пустыми только потому, что мы ихъ не понимаемъ. Наконецъ, предположимъ—я отрицаю это самымъ рѣшительнымъ образомъ—, что всѣ эти недостатки и пороки византійцевъ составляютъ ихъ неотъемлемое свойство и при этомъ обладаютъ именно тѣми размѣрами, какіе мы приписываемъ имъ благодаря несовершенству нашего знанія Византійской исторіи. Но имѣемъ ли мы право и при этихъ условіяхъ сказать, что во все продолжительное существованіе народа онъ оставался все однимъ и тѣмъ же? Можемъ ли мы однимъ общимъ приговоромъ осудить съ византійцами XIV и XV вѣка, которые были, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ мы утверждаемъ, слабы и несчастны, и ихъ великихъ предшественниковъ VI, X или XII столѣтій, современниковъ Юстиніана, Василия, Григоріевъ?

Въ теченіе долгаго времени византійское искусство опредѣляли, тусклое, монотонное; было бы громадной ошибкой тѣми же критеріями опредѣлять и византійскую исторію и одинаково презрительно относиться къ византійцамъ всѣхъ временъ. Наши представленія о Византіи, безразлично о какомъ времени, какомъ столѣтіи ея исторіи ни идетъ дѣло, какъ о Византіи, вѣчно находящейся въ упадкѣ, страстной и набожной, кровожадной и робкой, бездѣтельной и жестокой, неизмѣнно характеризуемой убійствами императоровъ, насильственными бунтами, скачками въ Гипподромѣ—граничить уже съ безсмысленностью.

Но существуетъ иная Византія, болѣе истинная, болѣе интересная и живая, богатая великими зрѣлищами и славными лицами, полная энергии, способная на усиліе, съ изысканными удовольствіями, съ высокохудожественной и умственной культурою. Эту Византію нѣтъ возможности ни изобразить, ни охарактеризовать въ одной формулѣ, потому что она жила долгіе вѣка и, какъ всякій живой организмъ, неизмѣнялась съ лѣтами. Въ то же время ее нельзя оцѣнивать, приравнивать къ ней мѣрку нашихъ современныхъ представленій или сравнивать ее съ Римомъ и Греціей, потому что она была, какъ это уже замѣчено, „средневѣковымъ государствомъ на крайней границѣ Европы, стоявшимъ грудъ съ грудью съ азіатскимъ варварствомъ“¹⁾.

Но это государство, каково бы оно ни было, было велико.

¹⁾ A. Rambaud, L'Empire grec au X-e siècle, p. VII.

II.

Вглядитесь въ эту десятивѣковую исторію, въ продолженіе которой имперія, не сдаваясь, выдерживала натискъ всевозможнаго восточнаго варварства. Готы, гунны, авары, славяне, персы, арабы, болгары, венгры, норманны волна за волною обрушивались на византійскія границы—и всѣ они разбились о стѣны города „хранимаго Богомъ“. Совершенно сомнѣнно, что на ряду съ моментами славы стоять и долгіе периоды упадка. Не разъ, стѣсненная со всѣхъ сторонъ, утративъ провинціи, Византійская Имперія ограничивалась зубчатой оградой столицы и въ ней не менѣе у нея находились силы, неожиданные запасы жизненности и энергіи. Подъ водительствомъ Юстиніана имперія не безъ гордости возвратила себѣ древнее наслѣдіе Рима и вновь обратила почти въ два вѣка Средиземное море въ римское озеро. Со своими императорами, которыхъ клеймятъ прозвищемъ „иконоборцевъ“, она отбросила на востокъ волну ислама какъ разъ около того времени, когда Бисунт Мартелль спасъ христіанство и культуру при Пуатье. Съ великими владыками Македонской династіи имперія сдержала на горахъ Тавра напоръ арабовъ и ея побѣдоносныя войска достигли Сиріи; въ то же время она отбросила русскихъ отъ Дуная, стѣснила печенѣговъ въ степяхъ и въ морѣ крови потопила могущественное Болгарское царство.

Время Комниновъ было порою не безславной борьбы съ восточными и западными варварами. Лишь на короткое мгновеніе въ бурный періодъ 4-го Крестоваго похода слава имперіи, казалось, померкла; сама она погибла; не на долго Фландрскій графъ возсѣлъ на престолѣ Порфирородныхъ: въ Никеѣ, Трапезундѣ, Эпирѣ возродилась греческая національность и не болѣе, какъ черезъ 60 лѣтъ послѣ катастрофы 1204 г., Михаилъ Палеологъ возвратился владыкою города Константинополя. Правда, насталъ день паденія истощенной имперіи подъ ударомъ фатальнаго рока, но до этой послѣдней катастрофы, въ которой повинно въ разгромъ не только сама Византія, но и европейскій Западъ, было много не враждебное настроеніе латинскаго Запада, сколько было въ жизни этого народа неожиданныхъ и блестящихъ возрожденій! Сколько разъ, какъ говоритъ одинъ лѣтописецъ, „старуха имперія возрождалась въ образѣ молодой дѣвушки, въ уборѣ изъ золота и драгоценныхъ камней!“ Византійская Имперія жила и это не малая заслуга и не легко не простое слѣдствіе счастливой случайности. Благодаря своей военной доблести она не разъ спасала Европу, и, несомнѣнно, было нѣчто кромѣ ея пороковъ, разъ она среди такихъ опасныхъ переживъ болѣе, чѣмъ на 1000 лѣтъ Западную Римскую Имперію.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, схема византійской исторіи; — нѣсколько словъ о ея любопытныхъ чертахъ.

Существуетъ весьма интересная книга, относящаяся къ X вѣку, въ которой одинъ изъ византійскихъ императоровъ не побрезговалъ самъ описать великолѣпіе и торжественную обстановку официальной византійской жизни; это—извѣстная книга *De cerimoniis*. Стоитъ ее раскрыть и на любой страницѣ вы встрѣтите картины, которыя кажутся взятыми изъ „Тысячи и одной ночи“. Вы увидите великолѣпныя процессіи, торжественные приемы, причудливыя и пышныя празднества; лицахъ столицы, подъ сводами св. Софіи, въ залахъ императорскаго дворца непрерывно развертываются необычайно роскошныя, пестрыя картины. Въ галереяхъ и покояхъ дворца, затинутыхъ парчею, шелками тканями и коврами, съ мраморными полами, покрытыми восточными коврами или усыпанными розами, въ іерархическомъ порядкѣ располагаются тѣлохранители въ серебряныхъ доспѣхахъ съ золочеными щитами, варяжскіе богатыри съ громадной сѣкирой у плеча, дворцовые музыканты и придворные сановники въ доспѣхахъ, сверкающихъ позолотой, въ расшитыхъ туникахъ, въ пурпуровыхъ и золототканыхъ хитонахъ. Въ большомъ триклиніи Магнавры, гдѣ глаза разбѣгаются взглядѣ на императорскія сокровища, гдѣ старинныя чудеса ювелирнаго искусства, діадемы, сверкающія эмалью и драгоценными камнями, гдѣ тяжелые далматики, затканные причудливыми узорами, напеваютъ о длинныхъ вѣкахъ блеска и славы имперіи, возвышается въ углубленіи абсиды золотой императорскій тронъ. У его подножія на тронѣ лежатъ два золотыхъ льва, сзади нихъ золотое дерево раскидываетъ свои вѣтви, а на нихъ сидятъ разукрашенные эмалью золотыя птицы; тутъ же высшіе сановники держатъ императорскія инсигнії и государственное знамя. Когда василевсъ выходитъ, привѣтствуемый восточнымъ возгласомъ подъ звуки гимновъ, исполняемыхъ подъ аккомпанементъ золотого органа пѣвчими храма св. Софіи или свв. Апостоловъ, когда онъ передъ склонившимся дворомъ занимаетъ мѣсто на тронѣ, ослѣпляя взоры сверканіемъ драгоценныхъ камней и золотыхъ украшеній, почти скрывающихъ его лицо, то при величественности осанки кажется скорѣе живымъ воплощеніемъ божества, скорѣе святымъ ображеніемъ, чѣмъ человѣкомъ.

Чтобы еще болѣе возвысить это необычайное величіе, а въ особенности для того, чтобы поразить удивленіемъ варварскихъ пословъ, прибывшихъ въ Византію, или иностранныхъ государей, въ дополнение этой роскоши придумали еще иное средство: на помощь призвали маговъ и создали настоящую феерію. Въ ту минуту, когда послан-

никъ вступалъ въ залъ, птицы, сидѣвшія на золотомъ деревѣ, начинали порхать и пѣть, лежавшіе львы вставали и поднимали ревъ въ то время какъ звуки органа все росли и ширились. Когда посланникъ распростирался ницъ, воздавая василевсу обязательное по этикету „поклоненіе“ (adoratio), императоръ со своимъ трономъ отдѣлялся отъ земли: онъ поднимался все выше и передъ глазами поднявшагося варваръ окаменѣвшаго отъ изумленія, онъ являлся уже какъ бы въ апоэозѣ на воздухѣ и былъ облаченъ уже въ новыя одежды.

Такого рода описанія можно было бы продолжать безъ конца. Я могъ бы изобразить вамъ триумфальныя шествія, въ которыхъ императоръ проходилъ по столицѣ, осыпaeмый цвѣтами, подъ звуки побѣдныхъ гимновъ при иллюминаціи и серенадахъ разныхъ партій; я могъ бы описать вамъ церемоніи, происходившія въ Гинподромѣ, когда василевсъ попиралъ ногою, обутою въ пурпуръ, головы склонившихся передъ нимъ побѣжденныхъ царей, при кликахъ населенія, которые черезъ Босфоръ до береговъ Азіи доносили звуки безумной народной радости. Я могъ бы вамъ рассказать о волшебныхъ празднествахъ, во время которыхъ стремленія къ оригинальному и колоссальному, опускали съ потолка императорскій столъ гигантскія золотыя блюда, поднимать которыя въ пору и 10 человѣкамъ. Я могъ бы нарисовать вамъ картины торжественныхъ богослуженій въ св. Софіи, залитой блескомъ каменьею и безчисленными огнями свѣчей или изобразить весь блескъ пышныхъ крестныхъ ходовъ, развертывавшихся подъ ея золотымъ куполомъ. Я могъ бы вамъ, наконецъ, описать лагерную жизнь византійцевъ, картину суровой, дѣятельной, полной неожиданностей и героической жизни воиновъ, охранявшихъ границу, или же познакомить васъ съ анекдотами изъ военнаго быта, которые дошли до насъ въ недавно открытой ленькой книжкѣ XI в., но у насъ не много времени и я спѣшу перейти къ людямъ, оживлявшимъ эту несравненную обстановку. къ сценамъ нерѣдко увлекательнымъ и драматическимъ, которыя въ ней разыгрывались. И здѣсь, среди лицъ, которыя могутъ возбудить интересъ и привлечь любопытство или удивленіе, сдѣлать выборъ очень затруднительно.

Въ ближайшихъ лекціяхъ я попытаюсь набросать предъ вами изображеніе Юстиніана и Θεодоры, полководцевъ и администраторовъ, прославившихъ ихъ царствованіе. Для того, чтобы отмѣтить предъ вами тотъ міръ контрастовъ, сочетанія высокихъ качествъ и безсилія душъ византіяца, я возьму примѣръ изъ другого періода исторіи. Я остановлюсь на Никифорѣ Фока, съ такимъ искусствомъ изображеннымъ Шлюмберже. Онъ былъ превосходнымъ солдатомъ, несравненнымъ

ещемъ; прежде чѣмъ достигнуть трона, онъ всю свою жизнь про-
вѣлъ въ лагерѣ; больше всего онъ любилъ военное дѣло, могъ пере-
нести всевозможныя трудности и не боялся опасности; одинаково су-
ществовалъ къ себѣ и солдатамъ, онъ былъ обожаемъ войсками, которыя
его грубое мужественное краснорѣчіе воспламеняло, а его поразитель-
ная храбрость увлекала къ пренебреженію какой угодно опасностью.
Подъ этой холодной и спокойной внѣшностью солдата, подъ его
суровою и мрачною наружностью скрывалась глубоко страстная душа.
Въ это время его глубокая набожность, подкрѣпляемая затаенной печалью,
привела его къ мистицизму. Какъ многіе его современники, онъ меч-
талъ покинуть міръ для того, чтобы въ пустынномъ уединеніи обители
искать забвенія и мира. Эти неосуществленные желанія на долго оста-
лись въ немъ привычки аскета—онъ любилъ общество иноковъ, изну-
жалъ себя постами, спалъ на твердомъ, во власяницѣ, оставленной ему
дядею, инокомъ, почившимъ со славою святого.

Позже въ его неустойчивой и смущенной душѣ зародилась другая
страсть, не менѣе захватывающая и жгучая; она устранила благоче-
ственныя грезы. Никифоръ Фока влюбился до безумія во вдову импера-
тора Романа II—въ восхитительную, но измѣнчивую Теофано, которую
временный лѣтописецъ называетъ „самой прекрасной, обольстительной
и тонченной женщиной его времени“. Ему было 50 лѣтъ; онъ былъ
суровый, загорѣлый, съ сѣдѣющей бородой, небольшого роста, почти
слѣпой—и тѣмъ не менѣе онъ не поколебался. Едва занявъ тронъ
императора благодаря перевороту, Никифоръ женился на Теофано. Отъ
этого шага его не удержали ни совѣты и огорченіе его возлюбленныхъ
друзей, ни жестокое сопротивленіе Константинопольскаго патріарха,
разривавшаго его во имя преданій святой церкви; не смотря на увѣ-
щанія смѣлаго пастыря въ храмѣ св. Софіи въ присутствіи массы на-
рода, не смотря на свои лѣта, не смотря на все свое благоразуміе, не
смотря ни на что Никифоръ уступилъ своей страсти. Послѣ мы уви-
димъ послѣдствіе этого неподходящаго союза; здѣсь мы только отмѣ-
тимъ, что этотъ суровый полководецъ, сдѣлавшись владыкою имперіи,
умѣлъ показать себя достойнымъ высокой миссіи императора. Воинъ
показалъ себя самымъ тонкимъ, хитрымъ, иной разъ даже коварнымъ
дипломатомъ; страстный любовникъ, ни передъ чѣмъ не останавливав-
шійся, чтобы исполнить капризы Теофано, умѣлъ копить государствен-
ныя гроши съ такимъ искусствомъ, что удостоился обвиненія въ скряжни-
чествѣ; и, главное, онъ нашелъ въ себѣ силы оторваться отъ соблаз-
нительной нѣги дворца, чтобы возобновить Сирійскимъ походомъ вѣч-
ную борьбу противъ невѣрныхъ. Несомнѣнно, онъ былъ, какъ прави-

тель, суровъ, непреклоненъ, иногда неумолимъ; несомнѣнно также, былъ до несправедливости пристрастенъ къ своимъ солдатамъ, которые въ сущности, онъ любилъ всего болѣе; и тѣмъ не менѣе, онъ былъ великимъ и славнымъ императоромъ и въ его сложной душѣ—энергичной и набожной, мистической и влюбленной, коварной и страстной—мы замѣчаемъ какъ бы еп гассонсгі причудливое соединеніе доблести и пороковъ, которое создавалось въ высшемъ византійскомъ обществѣ воспитаніемъ, сливавшимъ идеалы инока и воина.

Я могъ бы изобразить вамъ еще не мало другихъ лицъ изъ этого забытаго міра, показать вамъ великихъ императоровъ или государственныхъ людей, полководцевъ и дипломатовъ, славныхъ ученыхъ и извѣстныхъ придворныхъ, литераторовъ и церковниковъ, величественныхъ феодальныхъ бароновъ и министровъ-централизаторовъ. Я могъ бы изобразить людей съ великой и благородной душой—въ родѣ Никиты или Евстафія, или же людей съ мелкой грязной душой—въ родѣ Пселлы—типичнаго византійскаго придворнаго, который, не смотря на свою нравственную низость, обладалъ дарованіями новатора и притомъ наиболѣе выдающагося по уму въ свое время. Послѣдніе 20 лѣтъ день за днемъ приносятъ намъ новыя открытія, даютъ намъ возможность лучше знать этихъ людей и не только благодаря рассказамъ объ ихъ поступкахъ, но благодаря ихъ письмамъ, мемуарамъ, автобіографіямъ, въ которыхъ они даютъ намъ ключъ къ разгадкѣ ихъ характеровъ, ихъ души. При свѣтѣ этихъ данныхъ не представилось бы затрудненія показать вамъ все причудливое разнообразіе ихъ характеровъ, ихъ симпатичныхъ чертъ, могучей и смѣлой оригинальности. Еще болѣе любопытно было бы, пожалуй, набросать нѣсколько женскихъ портретовъ изъ области этой исторіи, представить, въ качествѣ историка, галерею государственныхъ дамъ. И это не было бы рядъ блѣдныхъ восточныхъ безличныхъ призраковъ въ родѣ тѣхъ, какія наполняютъ современный Стамбуль. Онѣ обладали яркой, рельефно вырисовывающейся индивидуальностью. Здѣсь мы встрѣтимъ, пользуясь выраженіемъ одного изъ наиболѣе видныхъ историковъ Византіи Рамбо, „всевозможные типы женщинъ: женщинъ-политиковъ, въ родѣ Ирины Аѳинянки, писательницъ, Евдокію или Анну Комненъ, свѣтскихъ львицъ, въ родѣ Зои Багрянородной, и рядъ женщинъ набожныхъ, преданныхъ чистымъ горнымъ помысламъ о небесномъ, какъ сестра Зои—Теодора, и дамъ, увлеченныхъ помыслами о новыхъ благовоніяхъ, мелочами туалета, изобрѣтеніемъ новыхъ модъ платья и прически, отъ которыхъ сходила съ ума вся дамская Византія. Были среди нихъ такія, о которыхъ никто не говорилъ ни слова, и такія, о которыхъ только и говорили; однѣ были недоступны ни для

го, кромѣ подвижниковъ, иноковъ и ревностныхъ пастырей; другія были ловкихъ кавалеровъ и свѣтскихъ собесѣдниковъ. Были и такія, въ окна которыхъ отъ времени до времени грузно падало зашитое мѣшокъ человѣческое тѣло и исчезало въ безмолвныхъ водахъ Босфора ¹⁾.

Многія изъ очаровательныхъ повелительницъ могли-бы, вступая на тронъ, похвалиться осуществленіемъ прекрасной мечты. Точно въ сказкахъ, въ которыхъ короли женятся на пастушкахъ, Византійскіе императоры заключали, нерѣдко, вполне неравные браки. Въ встрѣчи съ Юстиніаномъ Теодора была танцовщицей, а если вѣрить летописцу, то и чѣмъ то гораздо худшимъ, но она была красива и обладала тонкимъ умомъ; она умѣла не только понравиться, но и сумѣла заставить жениться на ней; болѣе того, вступивъ на тронъ, она оказалась женщиной съ головой и, какъ бы ни клеймили ея имя, она была достойна, въ общемъ, своей чудесной судьбы. Теофано, о которой мы только что говорили, происходила далеко не изъ благородной семьи: взирая на благородныхъ предковъ, которыхъ у нея послѣ отыскивали, она была дочерью мелкаго Константинопольскаго трактирщика, но за то она была на зависть хороша, честолюбива и знала жизнь. Она кружила голову наслѣднику престола, сумѣла заставить жениться на себѣ и благодаря своему уму деспотично правила дворцомъ и имперіей. Когда вслѣдствіе преждевременной смерти Романа II она осталась совсѣмъ молодой вдовой, она сумѣла среди сложныхъ и измѣнчивыхъ отношеній двора обезпечить себѣ превосходное положеніе. Несмотря на четырехъ дѣтей отъ перваго брака, она была красивѣе, чѣмъ когда либо; она прекрасно знала, какую пылкую страсть возбуждала въ Никифорѣ Фокѣ. Была ли она сама захвачена этою страстью, трудно сказать; во всякомъ случаѣ, ей не трудно было довести этого влюбленнаго солдата до рѣшимости овладѣть сначала властью, а потомъ раздѣлить ее съ нею. Затѣмъ ей прискучилъ Никифоръ, какъ, говорятъ, прискучилъ и Романъ II. Она влюбилась—и это единственная серьезная любовь въ ея жизни—въ болѣе изящнаго и молодого героя. Но здѣсь романъ смѣняется драмой—выступаетъ убійство. Въ декабрьскую бурную, темную ночь, въ мятель, Теофано сама вводитъ заговорщиковъ во дворецъ и скрываетъ на женской половинѣ; она сама старается усыпить подозрѣніе мужа и, оставивъ открытой дверь комнаты, сама же даетъ знакъ убійцамъ. Я опушу, по недостатку времени, глупое трагическое повѣствованіе объ этомъ преступленіи. Я прибавлю

¹⁾ A. Rambaud, *Imperatrices d'Orient* (Revue des deux mondes, 1891; 1, p. 338).

къ этому только, что Теофано потерпѣла ужасное пораженіе и въ столѣбѣ и въ любви. Сдѣлавшись императоромъ, Іоаннъ Цимисхъ не подумалъ ни о признательности, ни о вѣрности своей возлюбленной — онъ отправилъ ее въ печальное изгнаніе, гдѣ этой обольстительной повелительницѣ, влияніе которой было столь роковымъ для трехъ императоровъ, оставалось только умереть.

Это, если можно такъ выразиться, — узоръ исторіи; ея основныя черты менѣе замѣчательна. Имѣйте въ виду, что Византійская имперія — слѣдница имперіи цезарей, что она получила и нерушимо сохранила всю полноту римскихъ традицій, пришедшихъ въ забвеніе и уничтоженныхъ нашествіемъ варваровъ. Имѣйте въ виду — и это одно изъ наиболее замѣчательныхъ явленій исторіи —, что изъ всѣхъ государствъ Европы только здѣсь совершилась безъ внезапныхъ потрясеній, безъ медленныхъ и нечувствительныхъ измѣненій та эволюція, которая привела отъ античнаго міра къ средневѣковымъ націямъ. Обратите вниманіе на то, что Византія поставила и попыталась разрѣшить нѣкоторые наиболее существенные вопросы въ жизни народовъ, напимѣръ, вопросы объ отношеніи государства и церкви, центральной власти къ мѣстнымъ центробѣжнымъ силамъ, вопросъ о феодализмѣ, социальные вопросы, касающіеся правъ имущественныхъ и личныхъ; что она сохранила превосходную администрацію и финансовую систему; что она своимъ гражданскимъ и поземельнымъ законодательствомъ впервые установила принципы, которые получили преобладаніе на западѣ лишь гораздо позже. Не забывайте и того также, что въ стѣнахъ своей столицы она благоговѣнно поддерживала свѣточъ цивилизаціи. Въ то время, когда большіе города Европы въ громадномъ большинствѣ были еще болѣе, какъ незначительными, скучными деревнями, Византія была перницей изящества. На ея рынкѣ, настоящемъ центрѣ цивилизованнаго міра, сосредоточивались и входили въ обмѣнъ произведенія всей европейской. Изъ рукъ византійскихъ художниковъ выходило все, что тогда знали средніе вѣка самаго изящнаго въ области произведеній утонченной роскоши: шелковыя матеріи, пурпурныя ткани, украшенныя серебромъ, сверкающая золотомъ парча, драгоценныя бездѣлушки, украшенныя камнями и жемчугомъ, ларцы изъ слоновой кости съ тонкой скульптурой, рукописи съ превосходными миньтюрами, раки, покрытыя эмалью и золотомъ. На улицахъ, вѣчно наполненныхъ говорливой и шумной толпой, на площадяхъ, обрамленныхъ портиками и двориками, видѣлись цѣлые ряды шедевровъ античной скульптуры, вывезенныя изъ Рима или Греціи. Въ храмахъ, поражающихъ своими куполами среди изобилія порфира и мрамора, какъ золото сверкали мозаики.

Императорскомъ дворцѣ, по пространству равномъ цѣлому городу, длин-
ный рядъ покоевъ поражалъ невиданной роскошью. Для того, чтобы
привлечь градъ Константина, Византійское искусство проявило силу своего
искусства и создало новое сочетаніе изъ элементовъ восточной архи-
тектуры, античнаго искусства и христіанскаго орнамента; для того,
чтобы сохранить любовь къ просвѣщенію, около профессоровъ Констан-
тинупольскаго Университета и въ безчисленныхъ монастыряхъ столицы
собрались тысячи ученыхъ, литераторовъ и переписчиковъ. Такимъ же
образомъ и по отношенію ко всему свѣту Византіи была великой на-
ставницею: благодаря ей варварскіе народы Запада получили предста-
вленіе о болѣе утонченной, высокой жизни; ей обязаны славянскій
Востокъ своимъ рожденіемъ къ исторической жизни; даже арабы, не
смотря на всѣ свои выдающіяся способности, не мало обязаны Визан-
тійскому блескомъ Багдада и Кордовы. Не забудьте, что во всѣ средніе
вѣка міръ мечталъ о Константинополѣ, какъ о какомъ то волшебномъ
городѣ, озаренномъ сіяніемъ золота. О немъ мечтали среди холодныхъ
тучановъ Норвегіи и на русскихъ рѣкахъ, по которымъ сѣверные
путь спускались къ несравненному Царьграду, и въ замкахъ За-
пада, гдѣ труверы повѣствовали о чудесахъ императорскаго дворца, о
бронзовыхъ мальчикахъ, играющихъ на трубѣ, о вращающейся залѣ,
которую приводить въ движеніе морской приборъ, или о блестящихъ
карбункулахъ, освѣщающихъ ночью императорскіе покои; о ней меч-
тали и въ Венеціанскихъ банкахъ, высчитывая, что отъ одной своей
столицы императоры ежегодно получали 8300000 червонцевъ дохода,
что составляетъ на теперешній счетъ 550000000 франковъ. И когда,
въ результатъ всѣхъ этихъ причудливыхъ мечтаній и распаленной алч-
ности, образовался четвертый крестовый походъ, то пожалуй, дѣйстви-
тельность превзошла самыя фантастическія мечты. „Итакъ, вы ви-
дите, говоритъ Вильгардуинъ, что Константинополь созерцали многіе,
никогда ранѣе не видавшіе его. Они не могли повѣрить, чтобы гдѣ-
либо въ этомъ мірѣ могъ существовать столь богатый городъ до тѣхъ
поръ, пока не увидѣли его прекрасныхъ стѣнъ и башенъ, которыми
онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, пока не увидали роскошныхъ
дворцовъ и столь многочисленныхъ храмовъ, что только созерцая ихъ
своими глазами, можно повѣрить ихъ числу, равно какъ длину и ши-
рину города, царицы всѣхъ другихъ“. Наконецъ, если принять во вни-
маніе, что Константинополь дѣйствительно, какъ это и говорили, былъ
„средневѣковымъ Парижемъ“, то отсюда мы увидимъ, какъ несправед-
ливо забывать или презирать цивилизацію, которая создала такіа чу-
деса роскоши и искусства, изящества и блеска.

III.

Я указалъ вамъ нѣсколько моментовъ изъ забытой Византійской исторіи, но Византія имѣетъ значеніе не только благодаря тому, что была она въ прошедшемъ, сколько благодаря тому, что угото-
для будущаго.

Говоря, что Византійцы были „библіотекарями чело-
рода“, думаютъ, обыкновенно, будто этимъ заявленіемъ
имъ весьма большую честь. Въ всякаго сомнѣнія, что благо-
храня преданія и сокровища классической древности, они
наставниками эпохи возрожденія; несомнѣнно также, что
новой Европѣ Юстиніановскія компіляціи, они заложили здѣсь
писаннаго права. Заслуги эти имѣютъ весьма существенное
но онѣ не стоятъ одиноко. Какъ справедливо замѣчаетъ Рахба,
зантія была для Востока и славянскаго Запада тѣмъ же, чѣмъ
западнаго и германскаго міра былъ Римъ“. Благодаря ей и ея
родились къ исторической жизни народы, населяющіе теперь
юго-востокъ Европы. Она своими могучими руками сокрушила
племена славянъ, болгаръ, валаховъ, мадьяръ, печенѣговъ,
извлекла на свѣтъ Божій Сербію и Болгарію, Кроатію и Чер-
Румынію, Венгрію и современную Россію. Византія снабдила эти
бытныя и варварскіе народы всѣми элементами существованія
будущаго величія: религіей, формами управленія, искусствомъ,
турию, промышленностью, торговлею, однимъ словомъ, всѣми
цивилизаци. Византійскіе проповѣдники, благодаря своей неу-
и искусной проповѣди, распространили православіе на всехъ
странствѣхъ отъ глубины Арменіи до дебрей Россіи и отъ горъ
ніи до Кавказскаго хребта; они же изобрѣли кириллицу и,
переводу св. Писанія на языкъ новообращенныхъ народовъ,
истинными творцами славянской литературы. Изъ сношенія съ
тій великіе Русскіе князья усвоили идею государства и озна-
съ лучшими формами администраціи. Подъ вліяніемъ византій-
законодательства обновилось древнее славянское право и изъ
тійской школы русское общество вынесло свое умственное и
ное воспитаніе. Византійскія хроники, распространенныя по
ванскому міру, впервые занесли понятіе исторіи въ среду этихъ
народовъ; народныя византійскія сказки ласкали ихъ вообра-
византійскіе памятники служили образцомъ въ ихъ первыхъ
художественнаго творчества; и теперь еще отъ монастырей
куполовъ св. Софіи въ Кіевѣ—вездѣ найдемъ эмали, мозаики и

воспоминаніе былой славы и вліянія Византіи. Даже тогда, когда Византія пала, ея вліяніе неизгладимымъ оставалось на тѣхъ, кого она впервые вызвала къ жизни. Кремль XVII вѣка неприкосновенно сохранялъ традиціи императорскаго дворца; и теперь еще, если мы захотимъ вызвать воспоминанія о пышномъ церемоніальнѣ византійскаго двора или возстановить преданія абсолютнаго правленія, византійскаго церковнаго строя, искусной дипломатіи, уяснить себѣ до нѣкоторой степени идею цивилизаторской миссіи и великое дѣло ассимиляціи, которую нѣкогда имперія поставила по отношенію къ варварамъ, то намъ придется обратить взоры къ С.-Петербургу. И современная Греція, хотя она охотнѣе вспоминаетъ славныя имена Маравона и Саламина, также вытекаетъ изъ Византіи и съ воспоминаніями о Византійской имперіи связаны горделивыя мечты и надежды эллинизма. Для греческаго и славянскаго Востока, наслѣдника Византіи, Константинополь вѣчно остается идеальной столицей, а святая Софія будущей митрополіей православія. Въ Аѳинахъ, точно такъ, какъ и въ С.-Петербургѣ, послѣдній Палеологъ, геройски погибшій на бреши своей взятой столицы, является совсѣмъ не отдаленнымъ призракомъ, завершающимъ нѣкій періодъ исторіи, какимъ онъ представляется намъ, а предкомъ, отъ котораго живо въ народѣ, кровь котораго все еще вызываетъ общеніи и, главное, права котораго не могутъ быть уничтожены давностью времени.

Для всѣхъ притязаній, которыя стекаются къ Босфору, византійская исторія доставляетъ санкцію законности; благодаря этому обстоятельству византійская исторія, сама по себѣ, неоспоримо занимаетъ важное мѣсто среди реальныхъ фактовъ времени: въ ней заключается не малое количество тѣхъ господствующихъ идей, которыя, нерѣдко, влекутъ перевѣсъ въ великихъ событіяхъ.

Это превосходно знаютъ на греко-славянскомъ Востокѣ, гдѣ, дѣйствительно, византійская исторія является вступительной главой исторіи національной. Знаютъ это въ университетахъ, гдѣ изученіе Византіи происходитъ съ поразительнымъ рвеніемъ, гдѣ, благодаря ряду открытій, книгъ, разысканій выдающіеся ученые, можно сказать, возродили исторію Византіи въ послѣдніе годы. Знаютъ это и въ народѣ, который благоговѣнно сохраняетъ и недавно еще чествовалъ память великихъ славянскихъ учителей—византійцевъ Кирилла и Меѳодія, которые 1000 лѣтъ тому назадъ доставили племени сознаніе его единства и ввели его въ среду цивилизованныхъ народовъ. Знаютъ это и въ канцеляріяхъ, гдѣ понимаютъ, что изученіе прошлаго является иногда средствомъ подготовки будущаго; не такъ давно еще русское прави-

тельство основало въ Константинополѣ Археологическій Институтъ, что является истиннымъ завоеваніемъ—въ области науки—внѣй столицы византійскихъ Цезарей.

IV.

У насъ, французовъ, есть другія основанія интересоваться византійской исторіей; хотя мы въ ней и не такъ заинтересованы, тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ и у насъ столь же серьезнаго изученія.

Два съ половиною вѣка тому назадъ во Франціи было положено основаніе наукъ византійской исторіи. Въ 1648 году изъ Королевской типографіи въ Луврѣ вышелъ первый томъ перваго собранія византійскихъ историковъ. Вскорѣ, благодаря дружной совмѣстной работѣ наиболѣе видныхъ филологовъ того времени, благодаря просвѣщенному содѣйствію Людовика XIV и Кольбера, выходя изъ года въ годъ, явились 34 тома in folio этой превосходной ученой коллекціи, которую одинъ современникъ вполне заслуженно назвалъ „несравненнымъ памятникомъ французской щедрости“.

Душою этого великаго предпріятія былъ, въ частности, человекъ, одинъ изъ наиболѣе могучихъ работниковъ, какими гордится наука. Историкъ и филологъ, археологъ, нумизматъ, равно выдающійся во всѣхъ областяхъ, какими занимался,—Дюканжъ положилъ основаніе научному изученію Византіи, и его труды, образцовые по точности критическихъ приѣмовъ и строгости метода, открыли широкіе горизонты въ темной области византійской исторіи.

Можно было бы думать, что послѣ такого человека Франція сохранитъ неоспоримое господство въ этой открытой ею области. Но въ XVIII вѣкѣ случилось иначе. Наиболѣе выдающіеся умы этого вѣка—Монтескье и Вольтеръ—лишь утвердили предразсудокъ, который еще со временъ среднихъ вѣковъ сталъ неразлученъ съ представленіемъ о Византіи или Bas-Empire. Лебо еще болѣе дискредитировали византійскую исторію: онъ ее потопилъ въ морѣ скуки, разлитой во всѣмъ его 30 томахъ, которые онъ посвятилъ изложенію византійской исторіи.

И только въ наше время, какихъ ни-будь 30 лѣтъ, какъ изученіе Византіи, созданное нами и продолженное другими, нашло во Франціи благосклонный приѣмъ. Именно здѣсь, въ Сорбоннѣ, впервые обнаружилось это пробужденіе любознательности, которое привело насъ къ изученію греческой восточной имперіи, и изъ диссертаций, представленныхъ факультету, весьма многія и теперь сохраняютъ свою силу.

Трудъ Рамбо „Константинъ Багрянородный“¹⁾, не устарѣвшій смотря на тридцатилѣтній возрастъ, таковы „Разысканія о христіанской скульптурѣ и живописи на востокѣ“ Байе²⁾, предшествовавшія превосходному сочиненію „Византійское искусство“³⁾, которое въ сжатой формѣ впервые показало могучее разнообразіе и творчество этого забытаго искусства.

Такимъ образомъ, изученіе византійской исторіи получило права гражданства въ ученomъ мѣрѣ. Своими превосходными трудами о Никифорѣ Фокѣ и „Византійской эпопеей“—живымъ и яркимъ воспроизведеніемъ одной изъ наиболѣе славныхъ эпохъ Византійской имперіи, превосходно обставленнымъ изображеніями памятниковъ искусства и цивилизації, Шлюмберже сдѣлалъ забытое имя Византіи знакомымъ для людей неносвященныхъ. Такъ что теперь притягательная этого „таинственнаго и волшебнаго міра“, какъ говорилъ Гюи-де-Лассансъ, распространяется далеко за предѣлы тѣснаго круга ученыхъ. Благодаря Сарду на сценѣ на нашихъ глазахъ возрождаются драматическіе моменты Византійской исторіи въ „Ееодорѣ“, феодальныя Аѳины въ „Гизмондѣ“; вокругъ имени Византіи, впрочемъ легендарнаго, Массоткалъ чудныя мелодіи „Эскармонды“. Византійскій романъ благодаря Ж. Ломбарду, Гуго-ле-Ру и Поль Адаму вступилъ въ литературу. Даже въ самой литературѣ имя Византіи начинаетъ примѣняться и не въ смыслѣ порицанія. Скоро, дастъ Богъ, если это угодно Сарду и Сарѣ Бернарѣ, Византія совсѣмъ войдетъ въ моду: признательность талантливаго писателя, талантъ даровитой артистки, талантъ, болѣе сдѣлають для реабилитаціи среди насъ восточной греческой имперіи, чѣмъ всѣ ученыя книжки.

Обстоятельства, кажется, благопріятствуютъ теперь возобновленію прерванной традиціи нашихъ великихъ ученыхъ XVIII столѣтія, благопріятствуютъ продолженію терпѣливой и трудолюбивой разработки византійской исторіи, которая теперь совершается во Франціи, въ Россіи и Германіи. На этомъ широкомъ полѣ изслѣдованія хватитъ работы всѣхъ желающихъ. На ряду съ историками и лѣтописцами, излагающими политическую и религіозную исторію, бібліотеки и архивы невольно возвращають намъ данныя еще болѣе интересной исторіи, еще едва намѣченной, исторіи учреждений, экономической и соціальной эволюціи, исторіи цивилизації. Даже въ области политической

¹⁾ A. Rambaud, Constantin Porphyrogénète.

²⁾ Bayet, Recherches sur la sculpture et la peinture chretiennes en Orient.

³⁾ Bayet, L'Art byzantin (существуетъ русскій переводъ).

исторіи рядомъ съ немногими разработанными и ярко освѣщенными періодами, сколько найдется отдѣловъ неизслѣдованныхъ, покрытыхъ мракомъ; наконецъ, какъ слабо еще установлены руководящія, которыя опредѣляли ходъ этой исторіи. Даже въ нашей Національной Библіотекѣ масса драгоцѣнныхъ манускриптовъ ждутъ издателя; среди уже изданныхъ текстовъ весьма многіе требуютъ настоящаго критическаго изданія. Въ той же библіотекѣ есть множество собраній почти неизвѣстныхъ, превосходныхъ миниатюръ, которыя представляютъ для историка искусства обширное поле радостныхъ открытій. Для палеографа, филолога, юриста, историка Византіи, столь мало изслѣдованная доставляетъ обширный матеріалъ для интересныхъ розысканій и открытій. Это можетъ найти себѣ подтвержденіе на примѣрѣ Мюнхенѣ, гдѣ благодаря инициативѣ выдающагося ученаго—профессора Крехера—сосредоточилось въ послѣдніе 7 лѣтъ около катедры византинистики и „Византійскаго Временника“ широкое и плодотворное научное движеніе. Нельзя не пожелать, чтобы и на родинѣ Дюканса въ этой области вдвойнѣ нашей, потому что мы ее начали первыми и послѣдними снова за нее принялись, чтобы мы сумѣли благодаря честнымъ, которыя въ нашей власти,—строгости метода, отчетливому и ясному построенію, живости и яркости изложенія—вновь пріобрѣсти некоторую долю того руководящаго положенія, которое намъ нѣкогда принадлежало.
